

© 2003 г.

Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева

«НОГАЙЧИНСКИЙ» КУРГАН В СТЕПНОМ КРЫМУ¹

Памяти Аскольда Александровича Щепинского

1. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В мае 1974 г. Северо-Крымская экспедиция Института археологии АН УССР под руководством А.А. Щепинского проводила раскопки курганов в 2 км к северу от с. Червонное Нижнегорского района Крымской области. В кургане № 5 было открыто 38 погребений, из которых большинство относится к эпохе бронзы, а одно (№ 18) – к сарматскому времени. Погребение № 18 оказалось неогрabenным в древности и содержало множество редких драгоценных украшений и сосудов. После открытия этого погребения А.А. Щепинский назвал курган № 5 «Ногайчинским» по урочищу «Ногайчик» – ближайшему к кургану месту с ярким собственным именем.

Сразу после раскопок в научной литературе появилась краткая информация о Ногайчинском кургане². В дальнейшем золотые изделия из Ногайчинского кургана многократно публиковались в различных каталогах³. Комплекс получил широкую известность среди археологов.

Первой научной публикацией комплекса был специальный очерк в книге А.В. Симоненко «Сарматы Таврии»⁴ с описанием погребения № 18 кургана № 5 (в тексте курган ошибочно значится под номером 4) и неполным перечнем находок из него, в основном предметов из драгоценных металлов. Исследователь привел аналогии публикуемым вещам, датировал погребение второй половиной I – началом II в. н.э. и связал появление комплекса с возрастанием активности сарматов в северопричерноморских степях⁵. На следующий год вышла статья А.А. Щепинского, где погребение кургана Ногайчик было представлено в контексте сарматских древностей конца II в. до н.э. – I в. н.э.⁶, впервые рассмотрены некоторые особенности обряда и даны план погребения, рисунки и фотографии многих находок, упоминаются отдельные вещи, отсутствующие в публикации А.В. Симоненко.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Немецкого фонда поддержки исследований (DFG).

² Щепинский А.А. К истории сарматов в Северном Причерноморье // Тез. докл. XIV Междисциплинар. конф. античников социалистических стран. Ереван, 1976. С. 525–526; Щепинский А.О. Скарби сарматської знаті // Вісник АН УРСР. № 10. Киев, 1977. С. 75–76.

³ Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine. Schleswig, 1991. Kat. 145-146; Gold aus Kiew. 170 Meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Wien, 1993. Kat. 60-62; 60 років Інституту археології НАН України. Київ, 1994 (цв. вклейки).

⁴ Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 70–75.

⁵ Там же. С. 117.

⁶ Sepinskiy A.A. Über die Aristokratie der Sarmaten im nördlichen Schwarzmeergebiet // Zeitschrift für Archäologie. Jg. 28. B., 1994. S. 101.

После выхода этих работ, несмотря на их очевидную неполноту, комплекс был фактически введен в научный оборот. Появились специальные исследования, где были рассмотрены отдельные предметы из погребения в кургане Ногайчик. Так, в специальной статье М.Ю. Трейстера⁷, ювелирные украшения из Ногайчинского кургана были отнесены ко времени позднего эллинизма, что вызвало достаточно резкую критику А.В. Симоненко⁸. Некоторые другие вещи из Ногайчинского кургана были рассмотрены в ряду изделий, попавших в богатые сарматские комплексы конца I–II в. н.э. с приходом племени аланов⁹.

В связи с острым интересом к данному памятнику назрела необходимость его полной публикации. Определенные сложности, связанные с выполнением этой задачи, вызваны различными обстоятельствами. За исключением изделий из золота, остальные предметы и полевая документация оказались доступны для исследования лишь недавно и в разной степени. Восстановление всего комплекса стало возможным благодаря обработке коллекций из музеев Киева и Симферополя, сопоставлению полевых материалов, фотографий и рисунков. В выполнении этой работы неоценимую помощь оказали непосредственные участники раскопок И.Л. Алексеева, В.А. Колотухин, Л.А. Шумская, а также С.Г. Колтухов, М.Р. Мальгина, В.М. Надикта, Е.П. Подвысоцкая, Т.Ф. Шамина, которым мы выражаем нашу глубокую признательность.

II. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

а) Сооружение кургана

Для совершения захоронения № 18 был выбран курган высотой ок. 7 м, диаметром 46 м, сооруженный в эпоху бронзы. В его структуре прослежено три досыпки, связанные с захоронениями эпохи ямной и катакомбной культурно-исторических общностей (рис. 1, 8). Первым этапом, связанным с погребальной церемонией, была нивелировка верхушки насыпи. В результате образовалась плоская площадка овальной формы, вытянутая с запада на восток, размерами 30 × 20 м (рис. 1, 12). На втором этапе в центре этой площадки была выкопана яма, длиной около 2 м и глубиной 5.5 м (рис. 1, 4). На ее дне были захоронены две конские головы (рис. 2, 1): один череп был ориентирован с севера на юг, другой – с запада на восток. На глубине 1.0 м от поверхности площадки, в засыпи ямы, был помещен плоский камень в форме полуовала, размерами 1 × 0.6 × 0.2 м. На 0.7 м выше этого камня, также в засыпи ямы, размещались предметы конской упряжи: две пары железных удил, железный С-видный псалий с зооморфными окончаниями, железный пластинчатый налобник с крючком (рис. 2, 2–5), неопределенный железный предмет и фрагменты лепной керамики. В это же время на западном краю площадки, предположительно в яме глубиной 2.7 м от ее поверхности, было совершено богатое женское захоронение № 18 (рис. 1, 7).

На следующем этапе, после ритуального захоронения конских голов и женского погребения, над площадкой была сделана досыпка из светлого, очень рыхлого

⁷ Treister M.Yu. Concerning the Jewellery Items from the Burial-Mound at Nogajchik // ACSS. 1997. V. 4. 2. P. 122–157; Трейстер М.Ю. О ювелирных изделиях из Ногайчинского кургана // ВДИ. 2000. № 1. С. 182–202.

⁸ Симоненко А.В. О датировке и происхождении античных драгоценностей из погребений сарматской знати I – начала II в. н.э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2001. С. 190–194.

⁹ Симоненко А.В. Китайские и «бактрийские» зеркала у сарматов Северного Причерноморья // Музейні читання. Матеріали наукової конференції. Київ, 2000. С. 142; Simonenko A.V. Chinese and East Asian Elements in Sarmatian Culture of the North Pontic Region // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, 2001. V. 7. P. 53–67.

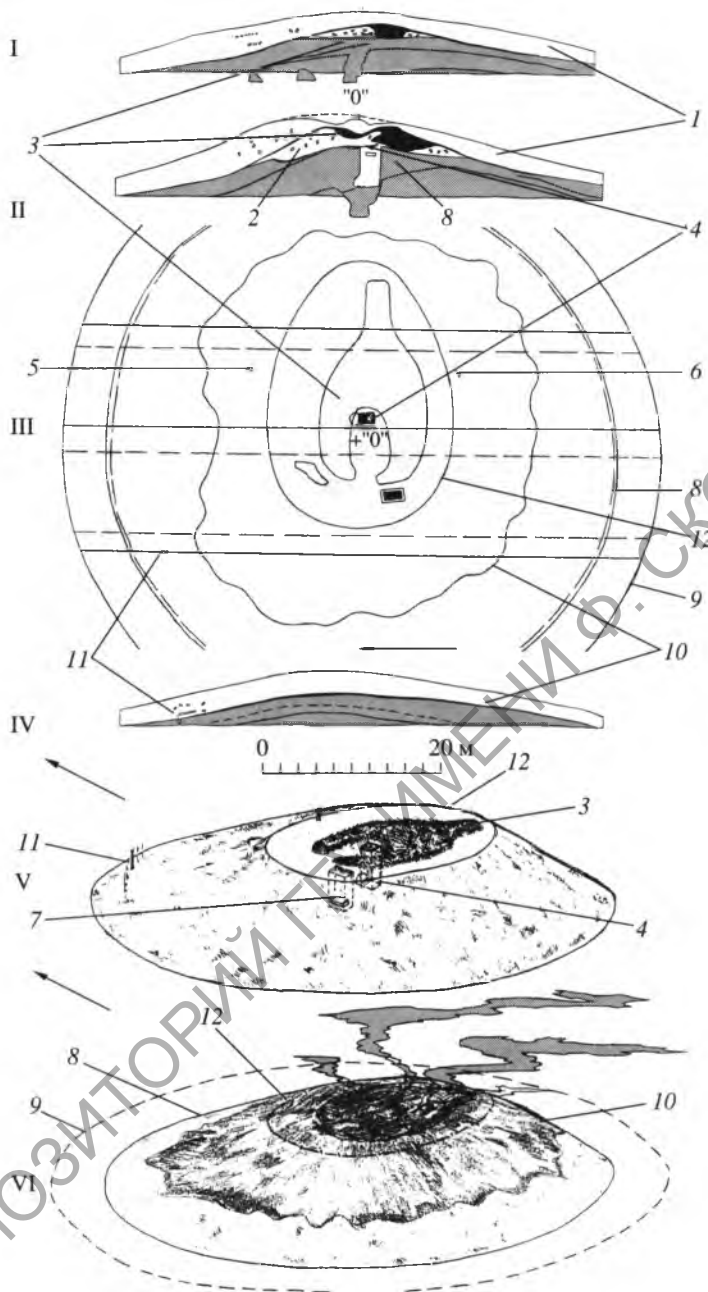

Рис. 1. Ногайчинский курган № 5. I, II, IV – стратиграфии бровок; III – план кургана; V – реконструкция насыпи кургана в момент совершения захоронения и закладки конских голов; VI – реконструкция насыпи кургана после воздействия огня. 1 – светло-коричневый рыхлый грунт, насыщенный остатками истлевшей древесины. Последняя досыпка кургана; 2 – светлый, очень рыхлый грунт, насыщенный остатками истлевшей древесины; 3 – пережженный грунт; 4 – захоронение конских голов; 5 – железные удила в насыпи, 6 – гужи лошади в насыпи; 7 – могила № 18; 8 – курган эпохи бронзы, 9 – границы кургана после последней досыпки; 10 – зона сплошного обжига насыпи; 11 – остатки бревен, зафиксированные в северной половине кургана; 12 – границы площадки на вершине кургана

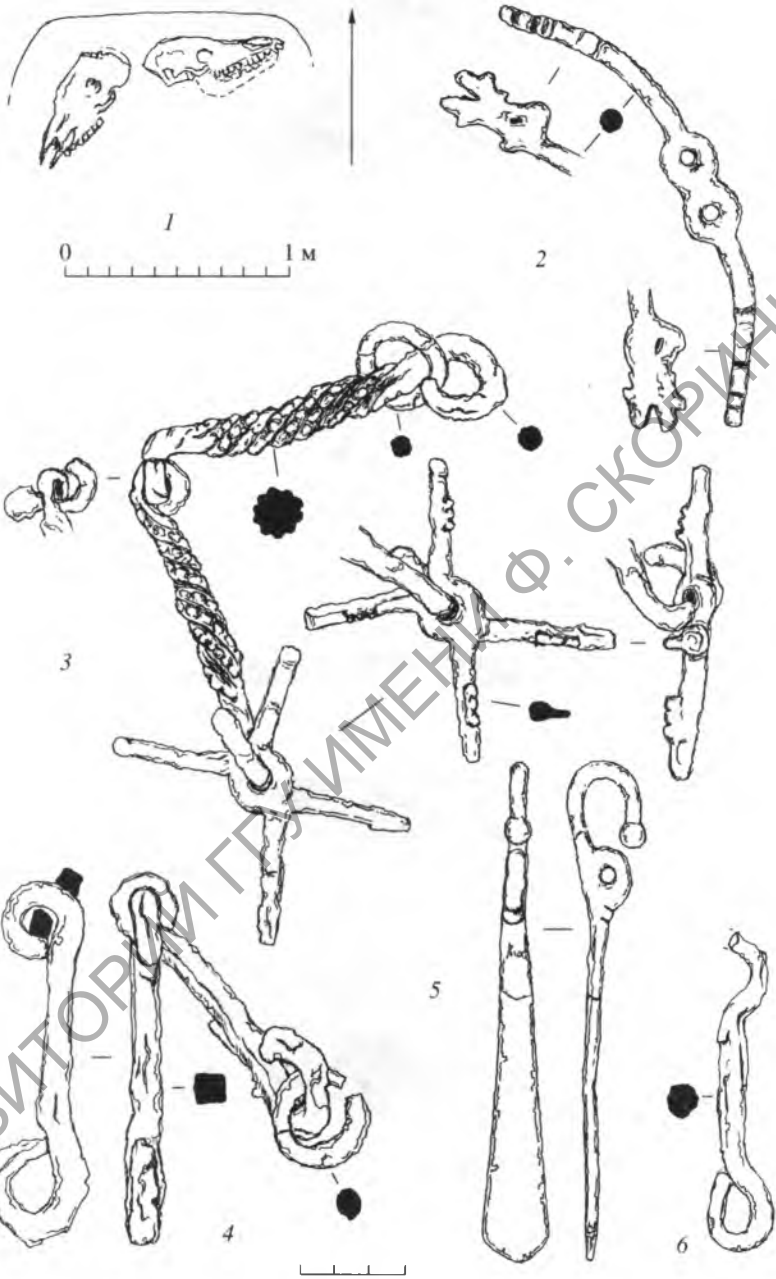

Рис. 2. 1 – план захоронения конских голов; 2–5 – предметы конской упряжи из насыпи захоронения конских голов; 6 – фрагмент удила из насыпи

грунта, которая перекрыла оба этих объекта (рис. 1, 2). Внутри нее была помещена деревянная конструкция вытянутой формы, размерами 22 × 11 м, ориентированная с запада на восток. В это же время курган, возможно, был окружен частоколом из бревен диаметром не менее 30 см и высотой не менее 2 м (рис. 1, 11). Затем всю поверхность сооружения обильно пропитали маслянистым горючим веществ-

вом¹⁰ и подожгли. В результате действия огня высокой температуры деревянная конструкция в центре насыпи выгорела на глубину до 2,5 м (рис. 1, 3), а центральная часть поверхности кургана обожжена на глубину 2–10 см (рис. 1, 10).

Последним этапом стала досыпка кургана светло-коричневым, рыхлым грунтом, со времен раскопок насыщенным крупными кусками истлевших бревен. Мощность этого слоя от 1 до 3 м (рис. 1, 1). И современные параметры кургана достигли высоты 8,2 м и диаметра 77–80 м. В разных местах за пределами ритуальной площадки, в слое последней досыпки найдены мелкие фрагменты керамики, зубы лошади (рис. 1, 6) и фрагменты железных удил (рис. 1, 5; 2, 6).

б) Могила (рис. 3)

Могила находилась в 7 м к юго-западу от условного центра кургана на глубине 6,15 м от условной нулевой точки. На поверхности, после прохождения скрепера, были обнаружены следы прямоугольного пятна, границы которого выделялись на фоне суглинка белым веществом растительного происхождения. Могила ориентирована по линии север-юг с незначительным отклонением.

Погребение совершено в прямоугольном деревянном ящике с двускатной крышкой длиной 1,92 м, шириной 0,82 м и высотой стенок 0,15 м. Снаружи доски ящика окрашены в белый, голубой и сиреневый цвета (определенный рисунок не прослежен). С наружной его стороны, вплотную к стенкам, по углам, были зафиксированы четыре круглых в сечении деревянных столбика (МАК № 1056–1059¹¹) высотой 20 см и диаметром 5 см, обернутые в 1,5 оборота тонкой серебряной пластиной (рис. 3, 58), каждая из которых была обвязана сверху и снизу веревкой органического происхождения. Торцы столбиков плоские (рис. 3, IV). Изнутри ящик был обложен раскрашенной кошмой(?) или ковром(?) посередине красного, а по краям – белого и сиреневого цветов. Просевшее днище гроба было обильно посыпано комочками ладана, наиболее насыщенно в центральной части саркофага.

Внешняя поверхность крышки была покрыта полотнищем, расшитым золотыми фигурными бляшками в различных композициях. При этом большинство бляшек сконцентрировано над северо-западной частью погребения (рис. 4, 1–6) и только отдельные экземпляры встречались в других местах. Покрытая бляшками площадь имела очертания неправильного треугольника размерами 0,75 × 0,85 × 0,65 м. По краю пятна, у северной стенки прослежено чередование (по четыре) бляшек двух типов: «городки» (рис. 4, 2) и «пара листовидных завитков» (рис. 4, 1). С западной стороны зафиксирована извилистая полоса из прямоугольных нашивок с изображением цветка в центре (рис. 4, 3). Юго-восточная граница пятна заполнена последовательно полосой лировидных (рис. 4, 6), в виде цветка лотоса (рис. 4, 5) и W-образных бляшек (рис. 4, 4). Внутри треугольного пространства, ближе к его западной границе зафиксированы два круглых пятна желтой краски (рис. 4, 7), по краю которых расположены бляшки типа «городки» и полусферические с петелькой на оборотной стороне. Насколько можно судить по имеющимся данным, все пространство внутри треугольника заполнено бляшками типа «городки» и в виде «пары листовидных завитков».

На дне саркофага был расчищен скелет взрослого человека, очевидно, женщины, но сохранность костей плохая: череп раздавлен, длинные кости растресканы. Захоронение совершено на спине в вытянутом положении, головой на север с незначительным отклонением к западу, руки несколько отставлены от туловища и вытяну-

¹⁰ Нефтью, по определению кандидата геолого-минералогических наук П.Д. Подгородецкого.

¹¹ Шифры даются по Книге поступлений Музея археологии Крыма (МАК), так как после его расформирования коллекции были переданы в Крымский краеведческий музей (г. Симферополь), где находятся в процессе инвентаризации.

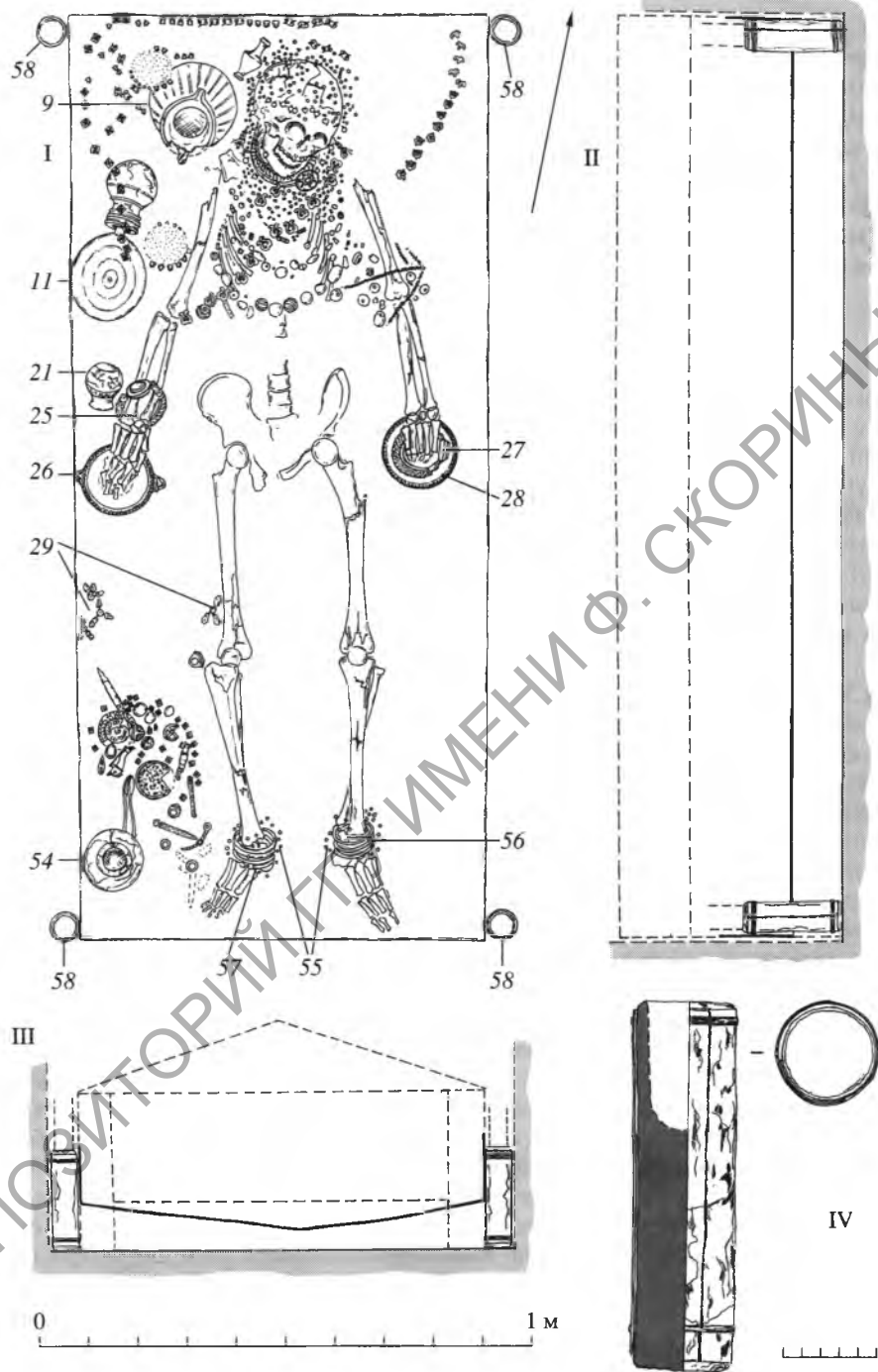

Рис. 3. I–III – план и разрезы погребения № 18; IV – деревянный столбик, обернутый серебряным листом

ты, как и ноги. Длина костяка ок. 170 см, приблизительный возраст погребенного 35–40 лет. На черепе и вокруг него зафиксировано скопление мелких полусферических бляшек, гофрированных трубочек и бляшек в виде треугольников (рис. 4, 12). Примерно на линии лба прослежено чередование круглых и листовидных подвесок (рис. 4, 13). Часть подвесок и бляшек упала к нижней челюсти покойной. У височ-

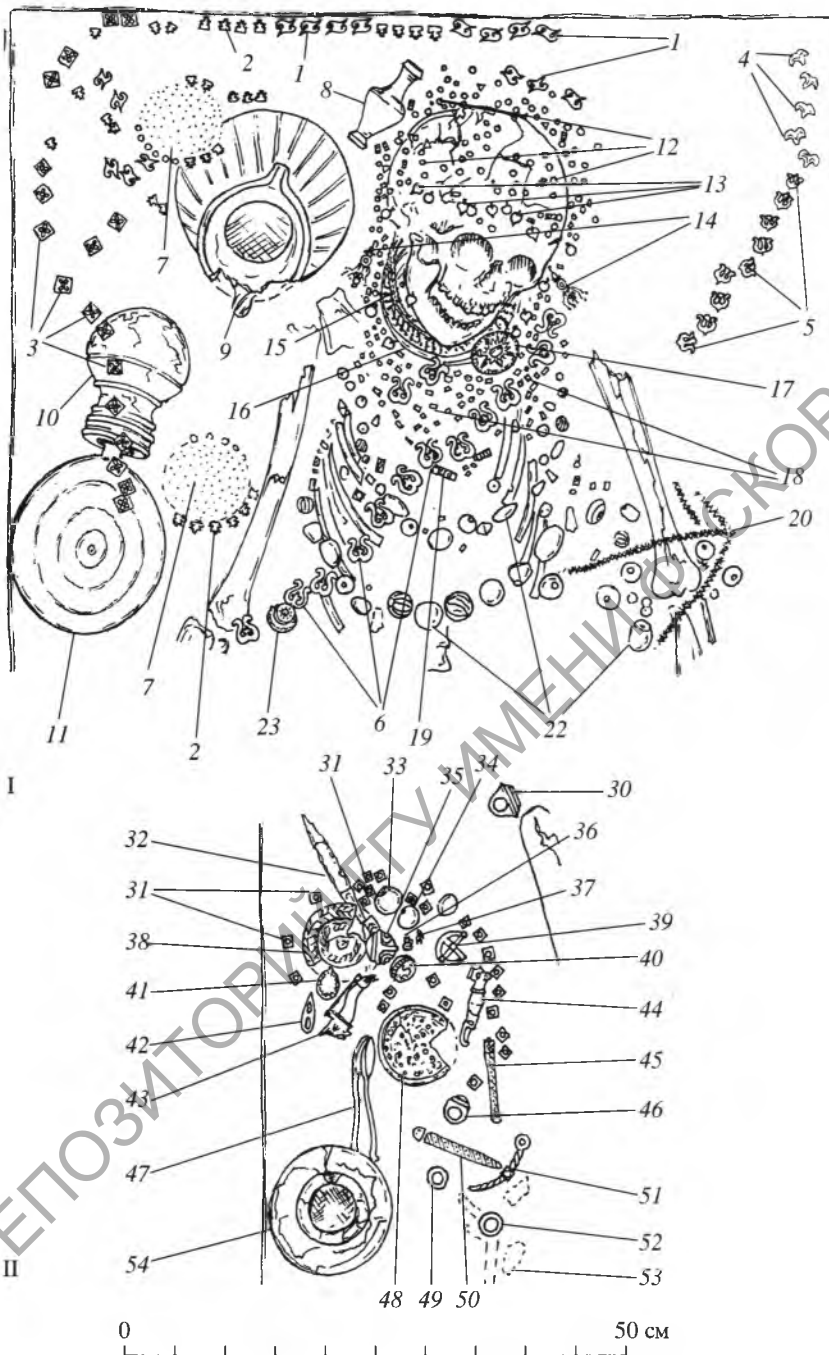

Рис. 4. Детали плана погребения № 18

ных костей лежали две золотые серьги с подвесками (рис. 4, 14). Под нижней челюстью, на шейных позвонках, найдена золотая гривна с зооморфными окончаниями (рис. 4, 16). Примечательно, что она была надета на шею погребенной изображением назад, обращенными к земле. На гривне лежало кольцо из трех золотых цепочек с подвесками (рис. 4, 15). В области груди, ближе к левому плечу, обнаружена брошь-

заколка, которая тыльной стороной опиралась на гривну (рис. 4, 17). В районе шеи, рядом с гривной сохранились мелкие бусы из гагата, коричневого гематита и стекла (рис. 4, 18). Между грудной клеткой и правым локтевым суставом найден золотой флакон с эмалевыми вставками в виде сердечек (рис. 4, 23). Пространство в области грудной клетки до уровня локтевых суставов заполнено крупными бусами из халцедона, янтаря, граната, гагата, египетского фаянса и стекла (рис. 4, 22), среди них опрaвленная в золото стеклянная пронизь (рис. 4, 19). На правом локтевом суставе зафиксирована золотая оплетка шнура (рис. 4, 20) и несколько бусин.

Кисти обеих рук лежали в серебряных сосудах. Под правой рукой находился серебряный килик на кольцевом поддоне с высокими ручками (рис. 3, 26). Левая кисть лежала в круглодонной серебряной чаше (рис. 3, 28). На правом запястье зафиксирован массивный золотой браслет с овальным щитком (рис. 3, 25). Такой же браслет, но с прямоугольным щитком, был одет на кисть левой руки и найден внутри серебряной чаши (рис. 3, 27). На щиколотках сохранились золотые спиральные браслеты (рис. 3, 56–57) и мелкие бусы из гагата и черного стекла (рис. 3, 55).

Все остальные вещи располагались справа от костяка. У черепа найдены краснолаковый унгентарий (рис. 4, 8) и лощенный орнаментированный кувшин со сливом (рис. 4, 9), у правого плеча – бронзовое «зеркало» (рис. 4, 11) в костяном «сосуде» (рис. 4, 10). У правого запястья лежал круглодонный серебряный с позолотой кубок (рис. 3, 21) с обрывками тонкой шелковой ткани, вероятно, от рукава платья. На уровне правого коленного сустава обнаружены золотой перстень со стеклянной геммой (рис. 4, 30) и золотая подвеска с тремя головками животных. Еще три такие же подвески найдены рядом у стенки гроба (рис. 3, 29).

В юго-западной части саркофага, на уровне голени засвидетельствовано скопление предметов, часть из которых предположительно находилась в сумке из органического материала, украшенной бронзовыми бляшками (рис. 4, 31): фаянсовая тарелка (рис. 4, 38), стеклянная чаша (рис. 4, 48), две серебряные ложки (рис. 4, 47), пиксида из гагата (рис. 4, 35), золотая пиксида (рис. 4, 40), шар-навершие из гагата (рис. 4, 33), крупная бусина из граната (рис. 4, 34), золотая антропоморфная подвеска (рис. 4, 37), золотой кувшинчик-подвеска (рис. 4, 36), золотая фибула в виде дельфина (рис. 4, 43), серебряная фибула с золотым каплевидным щитком (рис. 4, 42), золотой медальон (рис. 4, 41), серебряное кольцо с крестовиной (рис. 4, 39), серебряное (рис. 4, 49) и золотое (рис. 4, 52) гладкие кольца, золотой перстень (рис. 4, 46), пирамидальная бусина из гагата, меловая бусина-амулет с золотыми окончаниями (рис. 4, 44), золотой (рис. 4, 45) и костяной (рис. 4, 50) игольники, подвеска из гагата в виде изогнутого спирального стержня (рис. 4, 51), фрагменты неопределенных серебряных предметов (рис. 4, 53). Ближе к юго-западному углу, у западной стенки ящика, находился крупный алабастровый сосуд (рис. 4, 54).

III. ОПИСАНИЕ НАХОДОК

а) Захоронение конских черепов

Удила с одним крестовидным псалием и одним кольцом (рис. 2, 3). МАК № 1147/1. Железо. Длина звеньев 10 и 11 см. Состоят из двух звеньев, грызла спирально скручены и покрыты рядами выпуклостей (шипам). В петлю одного звена вставлено кольцо, на петлю другого одет крестовидный псалий с тремя шипами на каждой крестовине. Удила испорчены – центральные звенья разогнуты и деформированы.

Удила с кольцом (рис. 2, 4). МАК № 1147/2. Железо. Длина звеньев 10.5 и 9.5 см. Грызла – квадратные в сечении. В одну из петель вставлено кольцо, которое преднамеренно разогнуто.

С-видный псалий с зооморфными окончаниями (рис. 2, 2). МАК № 1147/3. Железо. Длина стержня 14 см. Представляет собой круглый в сечении стержень с восьми-

бразным расширением и двумя отверстиями в центре. Лопасты согнуты, их окончания раскованы в виде стилизованных голов животного.

Пластинчатый налобник с крючком (рис. 2, 5). МАК № 1147/4. Железо. Длина 14.5 см. Ширина лопасти 2 см. Налобник вытянутой треугольной формы. Один из концов раскован в плоскую пластину, другой представляет собой круглый в сечении стержень, загнутый кверху в виде крючка. У его основания петля.

Железный предмет. Не сохранился. Описание дано по полевому дневнику: «Фрагмент железного изделия, в плане имевшего форму вытянутого полуovalа с закругляющейся боковой стороной (у основания), имевшей форму скобы. Пластина – железная, “скоба” – бронзовая, припаянная к железному краю, по основанию полуovalа, с наружной стороны, шел валик (железный)».

б) Насыпь

Звено железного псаля (рис. 2, 6). МАК № 1147/5. Стержень круглый в сечении, одна петля обломана, длина 9.2 см.

в) Погребение

Нашивные бляшки. «Лировидные» (рис. 4, 6; 5, 18). АЗС № 2877. 14 экз. Золото 750°. 2.6 × 3 см; «Городки» (рис. 4, 2; 5, 16). АЗС № 2888. 41 экз. Золото 750°. 1.1 × 1.3, 1.3 × 1.4 см. АЗС № 2889. 173 экз. Золото 750°. 0.9 × 0.9 см, 1 × 0.9 см. Бляшки в виде ступенчатого треугольника; «пара листовидных завитков» (рис. 4, 1; 5, 17). АЗС № 2884. 63 экз. (из них одна – половинка). Золото 750°. 1.5 × 1.1 см, 1.6 × 1 см. Ажурные бляшки в виде зеркально расположенной пары листовидных завитков, показанных непрерывной рельефной линией; «цветок лотоса» (рис. 4, 5; 5, 14). АЗС № 2886. 9 экз. Золото 900°. 1.5 × 1.5 см. Ажурные бляшки округлой формы в виде венка, в верхней части которого помещено стилизованное изображение цветка лотоса; прямоугольные с цветком (рис. 4, 3; 5, 15). АЗС № 2885. 18 экз. Золото 900°. 1.3 × 1.5 см, 1.6 × 1.5 см, иногда и квадратной формы. По краю идет двойной рельефный ободок, в центре – рельефное изображение четырехлепестковой розетки с центральной выпуклостью; W-образные (рис. 4, 4; 5, 12). АЗС № 2887. 5 экз. Золото 900°. 1.8 × 1.6 см. Очертания бляшек дублированы внутренней линией, выполненной тиснением снаружи: полусферические уплощенные бляшки (рис. 5, 13). АЗС № 2891. 10 экз. Золото 900°. Диаметр 0.6–0.7 см. Сзади напаяны колючки, свернутые из тонкой золотой проволоки.

Украшения головного убора. Полусферические бляшки (рис. 4, 12; 5, 5). АЗС № 2890. 67 экз. Золото 750° и 900°. Диаметр 0.6 см; гофрированные трубочки (рис. 4, 12; 5, 6). АЗС № 2872. 14 экз. Золото 900°. Диаметр 0.3 см. Разного размера. Свернуты из тонкой золотой пластины, рифление варьирует от частого до редкого; треугольные (рис. 4, 12; 5, 7). АЗС № 2875. 8 экз. Золото 900°. 0.7 × 0.7 см. 0.6 × 0.45 см. Два экземпляра в виде равностороннего треугольника, шесть – в виде равнобедренного треугольника; подвески дисковидные (рис. 4, 13; 5, 8). АЗС № 2873. 9 экз. Золото 900°, диаметр диска 1.2; подвески листовидные (рис. 4, 13; 5, 9). АЗС № 2874. 10 экз. Золото 900°. 1.1 × 1 см.

Серьги (рис. 4, 14; 6, 1–2). АЗС № 2865/1–2. Два экземпляра. Золото 900°. Агат, берилл, стекло, сердолик. Вес 8.23 г и 7.77 г. Общая высота 5.2 см. В верхнем гнезде овальная агатовая вставка, оправленная в каст. Она опирается на фигурную полосу U-образной формы, по внешнему краю которой припаяна мелкая зернь. Ниже этого ободка припаян орнамент из проволоки в виде двух волн, закрученных кверху и книзу. В нижнем гнезде – сложная составная вставка, в центре – крупный берилл в оправе, вокруг – вставка в виде кольца, инкрустированная треугольниками черного и белого стекла, которые помещены между внутренним и внешним золотыми ободками, по верху внешнего ободка мелкая зернь. Сзади к основе припаяны две боко-

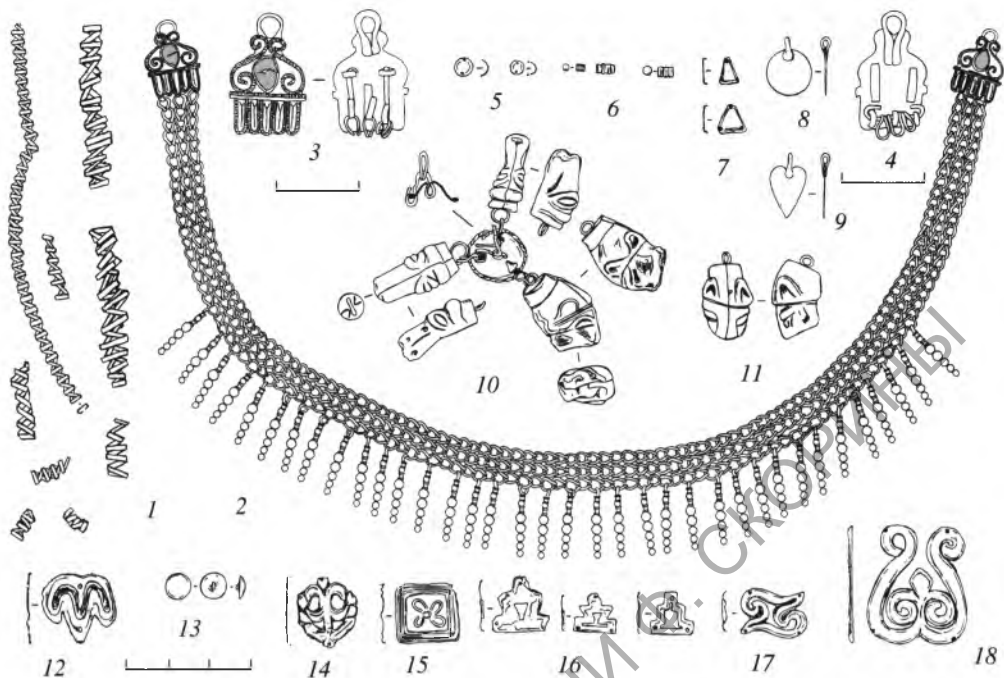

Рис. 5. Находки из погребения № 18

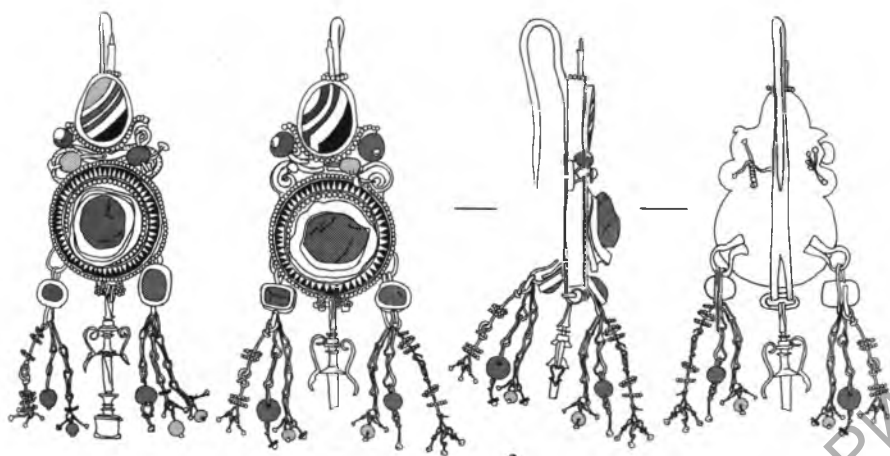
вые проволочные петли и крючок из ковanej проволоки, один конец которого заострен, другой раскован в плоскую пластину с двумя свернутыми петлями. К петлям подвешена фигурка амфорки. Ее горло заканчивается пустотелым стержнем, на который когда-то была надета круглая бусина. К стержню крепится база. К боковым петлям подвешены касты со вставками зеленого цвета. Сзади к ним припаяна проволочная петля, к каждой из которых крепятся по три цепочки двух типов.

Колье (рис. 4, 15; 5, 2). АЗС № 2863. Золото 900°. Гранаты. Вес 35.21 г. Длина 31 см. Длина подвесок 1.4 см. Состоит из трех цепочек (петля в петлю), звенья которых соединены друг с другом с помощью припайвания через каждые три петли. Нижний ряд украшен тридцатью шестью подвесками. Последние три звена с каждой стороны надеты на стержень, пропущенный между трех плоских крючков, которые припаяны к декоративным щиткам (рис. 5, 3–4). В одном случае конструкция включает две дополнительные петли для закрепления крючков.

Брошь-заколка (рис. 4, 17; 6, 3). АЗС № 2864. Золото 750°. Стекло, гранат. Вес 23.03 г. Диаметр 5 см. Основу броши составляет круглая пластина, по нижнему краю которой вырезаны десять колечек, а по краю пластины напаяна рубчатая проволока. В центральной части орнамент в виде «бегущей волны» с шариком зерни в каждом завитке (рис. 6, 4). В самом центре припаян цветок, сердцевина которого оформлена в виде вставки зеленого прозрачного стекла в зубчатой оправе.

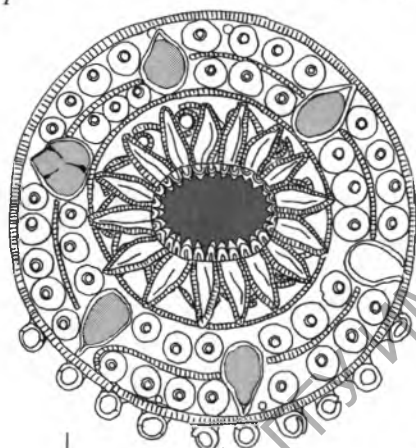
По краю броши расположены шесть гнезд для вставок, к моменту находки отсутствовала всего одна вставка¹². К настоящему времени сохранилось четыре вставки граната – три каплевидных и одна в форме листка плюща. Между вставками припаяны кусочки рубчатой проволоки и колпачки из тонкого золотого листа. У первого ряда рубчатой проволоки по кругу расположены девять отверстий вторичного происхождения. Сзади припаяна игла-заколка из толстой ковanej проволоки.

¹² Šcepinskij. Op. cit. Abb. 6.

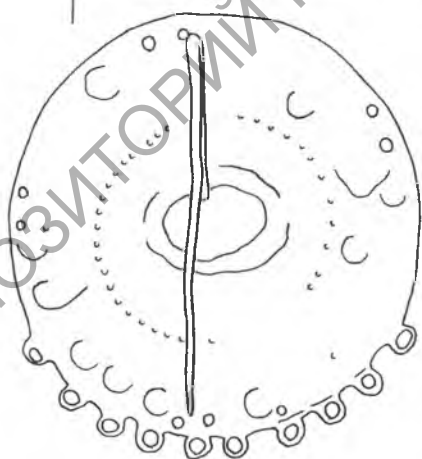
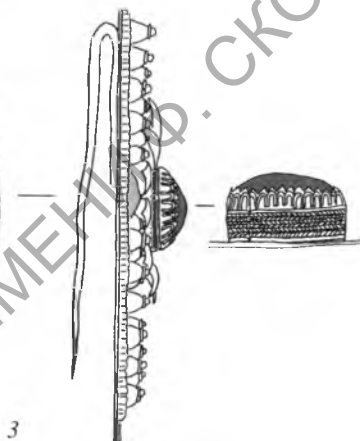

1

2

3

4

Рис. 6. Серьги и брошь-заколка

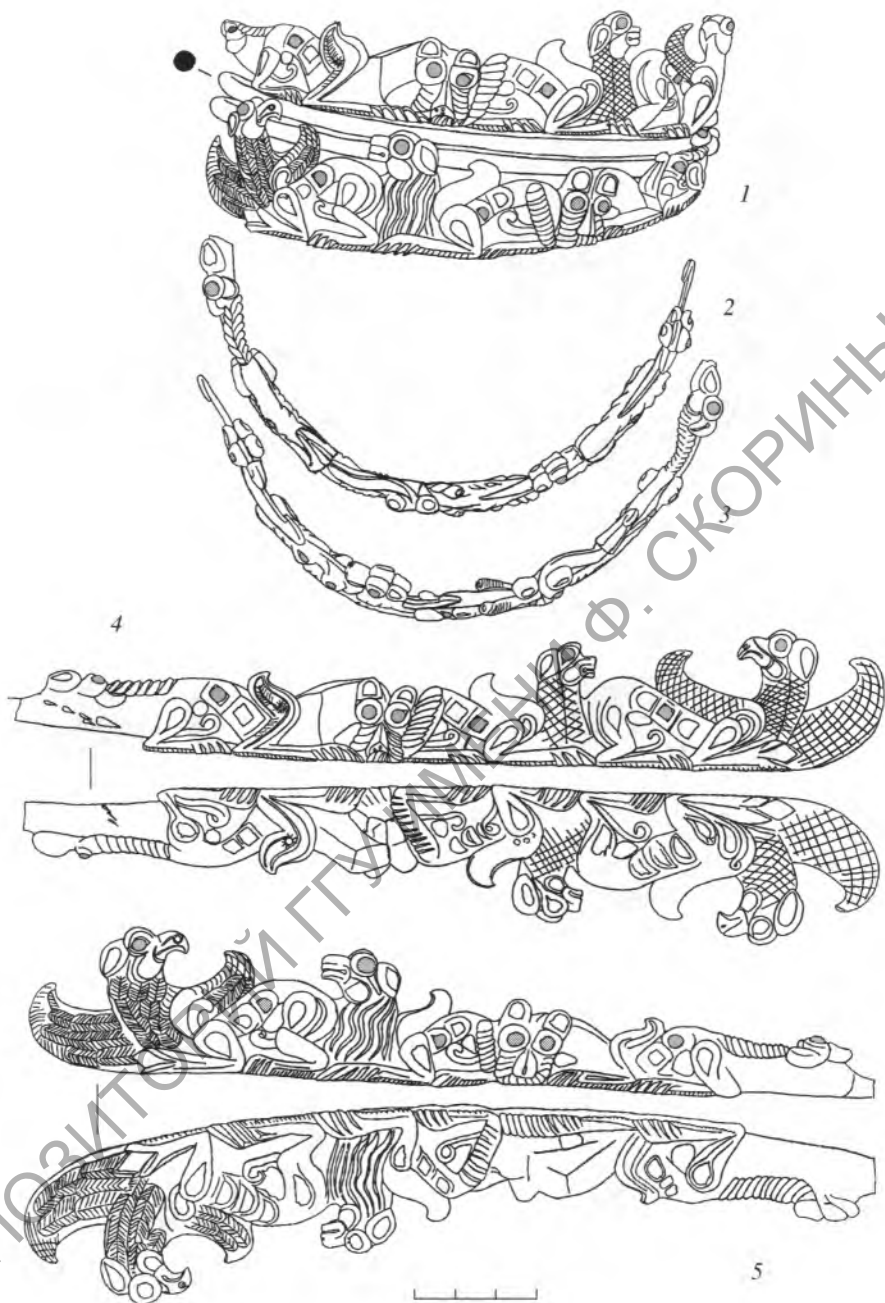

Рис. 7. Гривна из погребения № 18

Гривна (рис. 4, 16; 7). АЗС № 2853. Золото 900°. Стекло, коралл. Вес 918 г. Высота гривны *in situ* составляла 5.6 см. Диаметр 14 см. Основу изделия составляет кованый прут диаметром 0.6 см, свернутый в три витка. Первоначально витки гривны плотно прилегали друг к другу, в настоящее время они сильно разошлись под собственным весом и ее высота составляет 14 см. На прут с обеих сторон насажены декоративные окончания с изображениями животных, парные и развернутые в противо-

положные стороны. На каждом изображены последовательно три различные фантастические существа, которые мастер разграничил специальными признаками.

В первой публикации внутренняя сторона окончаний гривны названа гладкой, а само изделие литым¹³. Однако внутренняя поверхность окончаний разработана в соответствии с лицевой стороной (рис. 7, 4–5), подработана также поверхность нижнего края изделия, которая оформлена в виде глубокого желобка. Некоторые элементы (хвост с головкой грифона) развернуты в третьей плоскости (рис. 7, 2–3). Таким образом, изображения даны в трехстороннем рельефе, который в целом можно определить как круглую скульптуру.

Окончания гривны выполнены необычным способом. Сначала были отлиты или откованы заготовки, из которых затем с помощью резца были фактически вырезаны объемные изображения наподобие деревянных скульптурок. Об этом свидетельствуют многочисленные следы этого орудия по всей поверхности, в том числе внутри кастов. При этом на изделии полностью отсутствуют гладкие поверхности, которые обычно образуются при отливке.

Туловища животных украшены кастами, в некоторых случаях (только на лицевой стороне) имеются вставки. Судя по состоянию пустых гнезд, в них никогда не было вставок. В квадратные, круглые и ововидные касты вставлены одинаковые круглые стеклянные бусины синего цвета, а одно из каплевидных гнезд содержит вставку коралла (?).

Крылья и морды персонажей доработаны гравировкой. Она выполнена с особой тщательностью, судя по тому, что графические элементы на внутренней поверхности гривны с точностью повторяют элементы ее лицевой стороны, например, солнышко на крыле третьего персонажа верхнего фриза, перья крыльев и шеи первого персонажа нижнего фриза и пр.

Бусы. МАК № 973–981, 983–1001, 1007–1009, 1012–1055

1) *Бусы на шее* (рис. 4, 18). Пятнадцать бусин из гагата «в виде 18-гранника» $0.6 \times 0.5 \times 0.5$ см. Шестьдесят пять таких же бусин из черного стекла. Бусины каплевидной формы: одна из агата длиной 0.7 см, диаметром 0.4 см (рис. 8, 46); одна из коралла длиной 1.0 см, диаметром 0.6 см (рис. 8, 47); одна из полихромного стекла длиной 1.2 см, диаметром 0.6 см (рис. 8, 48). Гагатова шаровидная бусина диаметром 0.8 см (рис. 8, 8). Двенадцать бусин кубической формы из коричневого гематита 0.5×0.5 см (рис. 8, 22). Семь круглых пронизей (АЗС № 2859) в виде золотых коробочек с прозрачными стеклянными вставками полусферической формы: два желтого, три темного сине-зеленого, одна – светло-зеленого, одна – темно-красного цвета, диаметром 0.78 см, высотой 0.52 см (рис. 8, 12). Золото 750°. У каждой пронизи по два сквозных отверстия.

2) *Бусы на груди* (рис. 4, 22). Пять пронизей веретенообразной формы из гагата длиной соответственно 3.8 см, 3 см, 3 см, 2.3 см и 2 см (рис. 8, 16, 17, 20, 21); одна биконическая бусина из гагата длиной 1.6 см, диаметром 1.5 см (рис. 8, 15); шесть округло-ребристых бусин: две из гагата 1.5×1.8 см (рис. 8, 6–7); две из янтаря 2.5×2.5 см (рис. 8, 28–29); две из египетского фаянса голубого цвета 0.8×0.8 см и 0.7×0.7 см (рис. 8, 13–14); одна округлая уплощенная бусина из гагата, размерами 3×2.5 см (рис. 8, 19); одна цилиндрическая бусина красного глухого стекла 0.8×0.1 см (рис. 8, 35); бочковидные бусы: две из гагата, длиной 1 и 2.2 см (рис. 8, 2, 18); одна из стекла с внутренней позолотой, длиной 1.2 см, диаметром 0.9 см (рис. 8, 36); округлые поперечно-сжатые бусы: три из халцедона 1.3×2.8 см, 1.0×2.0 см и 0.6×1 см (рис. 8, 34, 42, 43); одна из стеклянной пасты 0.7×1.3 см (рис. 8, 5); две из янтаря 1.4×2 см и 0.9×1.5 см (рис. 8, 31, 39); одна из камня 1.3×2.0 см (рис. 8, 45); одна из гагата 0.7×1.2 см (рис. 8, 4).

¹³ Симоненко. Сарматы Таврии. С. 71.

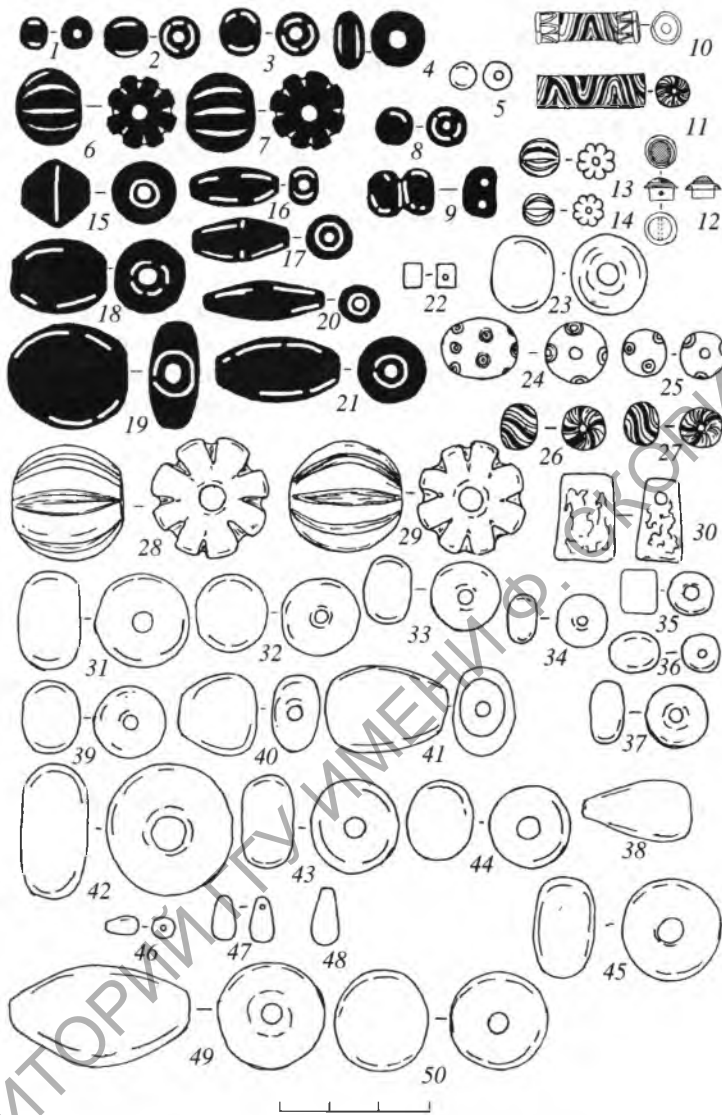

Рис. 8. Бусы из погребения № 18

Округлые бусины: две из гагата 1.0×1.0 см (рис. 8, 3); одна из граната 2.2×2.2 см (рис. 8, 50); две из янтаря 1.5×1.5 см (рис. 8, 32); одна из халцедона 1.4×1.7 см (рис. 8, 44); 1 из египетского фаянса 1.4×1.6 см (рис. 8, 23).

Две уплощенные бусины неправильной формы из янтаря 2.6×2 см и 1.6×1.6 см (рис. 8, 40–41); одна каплевидная бусина (материал не известен) 2.3×2.0 см (рис. 8, 38); «прямоугольная подвеска из пестрого мрамора» 1.8×1.3 см (рис. 8, 30); бусина конической формы, материал не известен, высотой 1.7 см.; бусина из гагата в виде 24-гранника (?), длина 1.6 см, диаметр 1.0 см; бусина из гагата в форме «сдвоенной пуговицы» с двумя продольными каналами, длина 1.5 см, ширина 1.0 см (рис. 8, 9); «16-гранная бусина», материал не указан, диаметр 1.4 см.

Бусы из полихромного стекла: одна цилиндрическая с продольно-волнистым орнаментом, спаянная из стекла голубого, белого, черного и зеленого цветов, длиной

2.5 см, диаметром 0.7 см (рис. 8, 11); две округлые бусины, выполненные в той же технике – красного, синего, желтого и белого стекла, длиной 0.8 см, диаметром 1.0 см (рис. 8, 26, 27); две округлые глазчатые бусины с редко посаженными бело-голубыми глазками и полупрозрачной бесцветной основой, диаметром 1.0 см (рис. 8, 25); одна бочковидная глазчатая бусина с внутренней позолотой и глазками, расположенными в четыре ряда по три, длиной 1.6 см, диаметром 1.3 см (рис. 8, 24).

3) *Бусы на ногах* (рис. 3, 55). Тридцать шесть округлых бусин из гагата 0.6×0.7 см (рис. 8, 1), одна округлая бусина из черного стекла 0.5×0.5 см (рис. 8, 5).

Пронизь в золотой оправе (рис. 4, 19; 8, 10). АЗС № 2861. Золото 700°. Стекло. Вес 2.18 г. Длина 2.2 см. Диаметр 0.7 см. Диаметр канала 0.2 см.

Бусина цилиндрической формы с продольно-волнистым орнаментом изготовлена из многоцветного стекла. С обеих сторон бусина дополнена наконечниками. В первом издании пронизь обозначена как флакон с корпусом из агата¹⁴.

Золотой флакон (рис. 4, 23; 9, 4–5). АЗС № 2879. Золото 958°. Стекло. Вес 16.9 г. Высота 2.1 см. Диаметр тулова 2.8 см. Диаметр венчика 1.8 см. Имеет округлое приземистое тулово и прямой венчик, по бокам припаяны две петли для подвешивания. Плечики украшены тремя полосами напаянного орнамента. По центру тулова проходит ряд из гнезд сердцевидной формы, заполненных последовательно зеленой, голубой и темно-синей стекловидной массой. На дне оттиснут орнамент из кружков с точечными наколами. Крышка сосуда плоская, по бокам также припаяны две петли. Одна в центре украшена круглой вставкой темно-синего стекла. По краю крышки такой же орнамент в виде оттиска пунсона-трубочки с точкой в центре, что и на донышке сосуда.

Двойная оплетка шнура, прямоугольного в сечении (рис. 4, 20; 5, 1). АЗС № 2876. Золото 900°. Длина наиболее хорошо сохранившегося фрагмента 9.2 см. Общая длина всех сохранившихся фрагментов 29.2 см. Толщина шнура 0.3 см.

Браслеты (рис. 3, 25, 27; 10). АЗС № 2854–2855. Два экземпляра. Золото 958°. Циркон, цитрин, агат, берилл, жемчуг, стекло. Вес 198 и 194 г. Диаметр 10.3 см. Толщина 1.7 см.

На левую руку был надет браслет (рис. 10, 1), в щиток которого оправлен многогранный природный кристалл циркона – желтый прозрачный камень, обладающий слабой радиоактивностью. Основу щитка составляет прямоугольная в плане «коробочка», обрамление вставки подчинено ее форме и имеет вид пятиугольника. К коротким сторонам «коробочки» припаяно по пластинчатой петле. Основу браслета составляет полая трубка из двух спаянных продольно пластин. Линии спайки закрыты рубчатой проволокой (орнамент «астрагал»). По обеим сторонам от этих швов и по краям трубки пробиты многочисленные отверстия, через которые «прошиты» нити проволоки с плотно насаженными бусами жемчуга, перемежающимися в трех местах нитями с попеременно надетыми круглыми бусинами камня зеленого цвета, миниатюрными колечками, украшенными тремя рядами зерни, и бочковидными бусинами черного стекла или агата с белой поперечной полосой. В торцы полой трубки с обеих сторон вставлены фигурные изображения Амура и Психеи, отлитые вместе со втулкой по восковой модели и доработанные резцом. Фигурки показаны выступающими из цветка с четырьмя распутившимися, отогнутыми вниз лепестками. Сзади, к плечам персонажей припаяны небольшие проволочные колечки, через которые крест-накрест продеты проволочки с нанизанным на них жемчугом. На плече одной из фигурок Амура заметны особенности изготовления – его рука вставлена отдельно с помощью штифта. К затылкам обеих фигурок припаяна золотая пластина, на которую под прямым углом напаяна для жесткости конструкции вертикальная стойка, а также две петли для крепления к центральному щитку с камнем. Сквозь эти петли и петли на щитке продета проволочка, концы которой загнуты

¹⁴ Там же. С. 73.

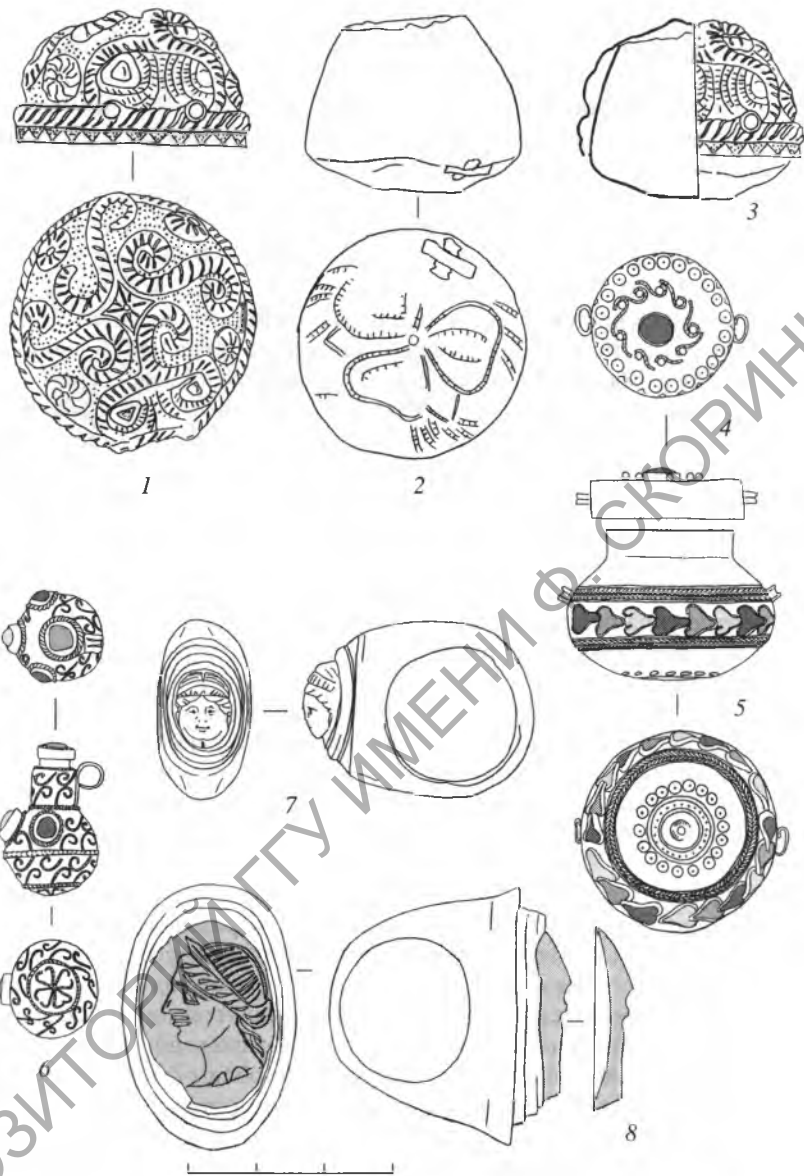

Рис. 9. Находки из погребения № 18

вниз, перекручены и спаяны. Щиток закреплен неподвижно, поэтому эту систему крепления нельзя считать замком, поскольку он никогда не размыкался.

Браслет надетый на правую руку (рис. 10, 2) в целом аналогичен левому браслету, но несколько отличается в деталях. Центральный щиток овальной в плане формы, в него вставлен кабошон цитрина (желтая разновидность кварца). Перекрестные проволочки на одной паре персонажей утеряны полностью (колечки для их крепления присутствуют), на другой – частично.

Килик (рис. 3, 26; 11, 1). МАК № 964. Серебро. Диаметр по верху 14 см. Диаметр поддона 7.2 см. Высота 4.7 см. Высота с ручками 8.5 см. Основа сосуда – полусферическая чаша, выполненная в технике выколотки из кованого серебряного листа. По

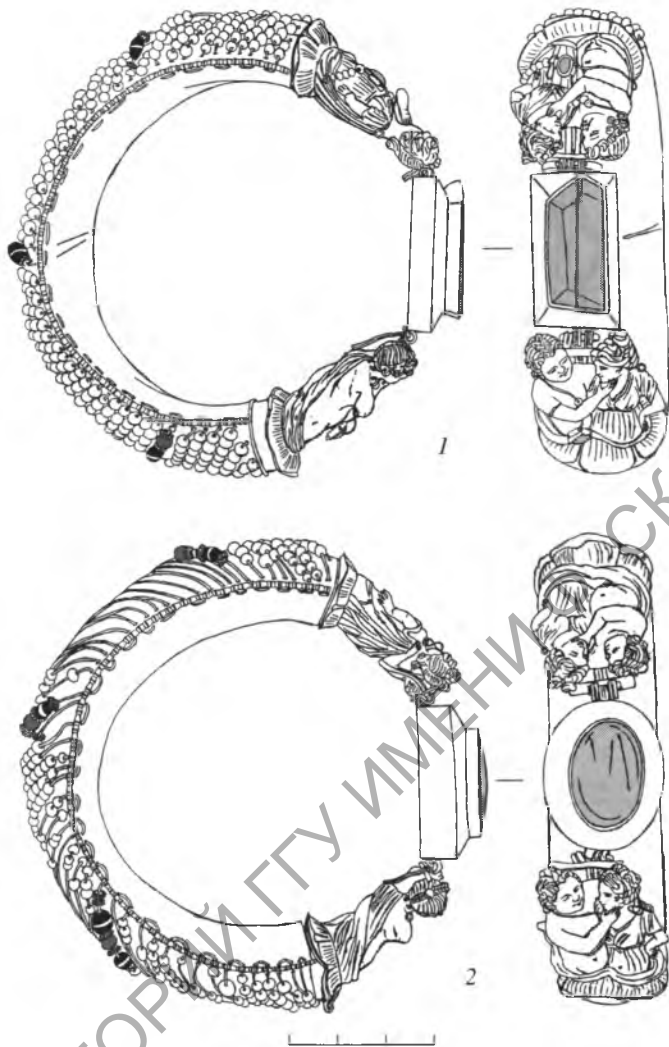

Рис. 10. Браслеты из погребения № 18

утолщенному венчику прочеканены овы. На внутренней поверхности слабо прочерчен рисунок в виде венка из двух ветвей плюща. К чаше припаян кольцевидный поддон, свернутый из полоски серебряного листа. С двух сторон сосуда припаяны литые фигурные ручки в виде двух стеблей, соединяющихся вместе. Место их соединения оформлено тройным кольцевидным перехватом, из которого «вырастает» 4-лепестковый цветок.

Чаша (рис. 3, 28; 11, 2). МАК № 1002. Серебро. Диаметр по верху 15 см. Высота 4.7 см, полусферической формы, выполнена в технике выколотки по твердой модели из кованого серебряного листа. По венчику прочеканены овы. Чаша круглодонная, на дне орнамент, аналогичный прочерченному на килике.

Ножные браслеты (рис. 3, 56–57; 12, 8–9). АЗС № 2856, 2857. Два экземпляра. Золото 750°. Вес 159.87 г и 168.9 г. Диаметр 9.1 см. Высота 6 см. Сечение прута 0.4 см. Браслеты свернуты в 3.5 оборота из кованого, круглого в сечении золотого прута.

Унгвентарий (рис. 4, 8; 13, 3). МАК № 1003. Глина, сохранившееся частично краснокерамическое покрытие. Диаметр венчика 1.8 см, диаметр дна 2.1 см. Высота 10 см. Со-

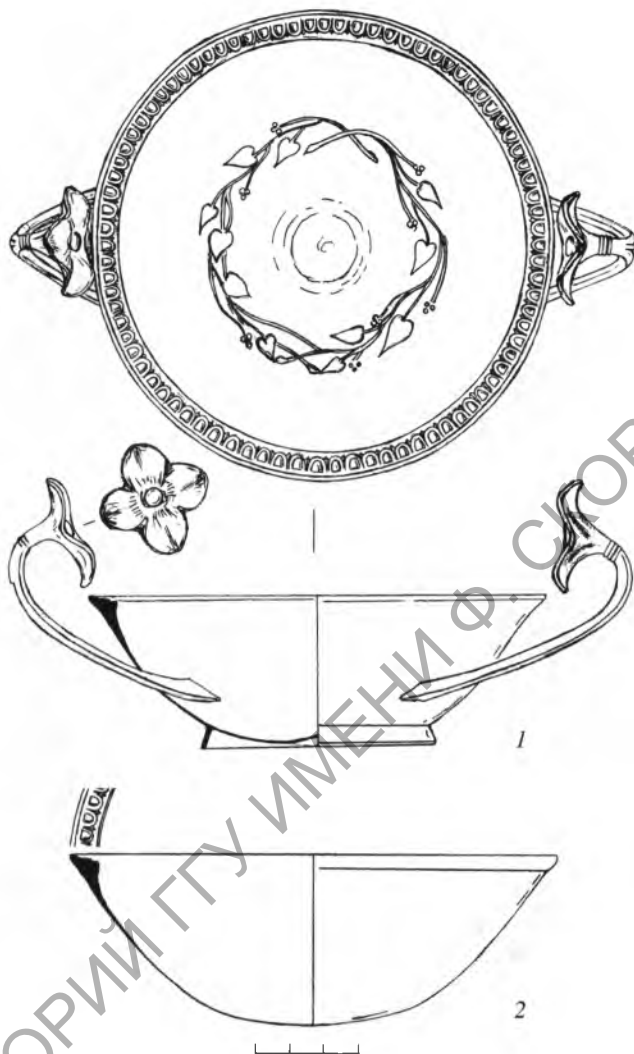

Рис. 11. Серебряные сосуды из погребения № 18

суд имеет высокое, узкое, слегка воронковидное горло, клювовидный венчик, почти горизонтальные, округлые плечики, коническое тулово и короткую ножку со сплошным поддоном. Под венчиком прочерчены бороздки.

Чернолощеньный кувшин (рис. 4, 9; 13, 6). Темная плотная глина, лощение. Диаметр венчика 11 см. Диаметр дна 8 см. Высота 22.5 см. Сосуд имеет раструбообразное горло с носиком-сливом, витую ручку, грушевидное тулово и плоское дно. На уровне верхнего прилепа ручки по горлу прочерчены четыре горизонтальные врезные линии, под горлом кольцевой уступ, ниже прочерчены три врезные линии. Тулово орнаментировано полосой косых насечек, двойными вертикальными врезными линиями и зигзагообразной резной линией, помещенной между двух кольцевых прочерченных полос.

«Зеркало» (рис. 4, 11; 13, 1). МАК № 966 (бронзовое «зеркало»); МАК № 1131 (костяная «рукоять»). Бронза. Диаметр диска 18 см. Одна сторона предмета окантована по краю широким валиком, украшенным выпуклостями округлой формы. В

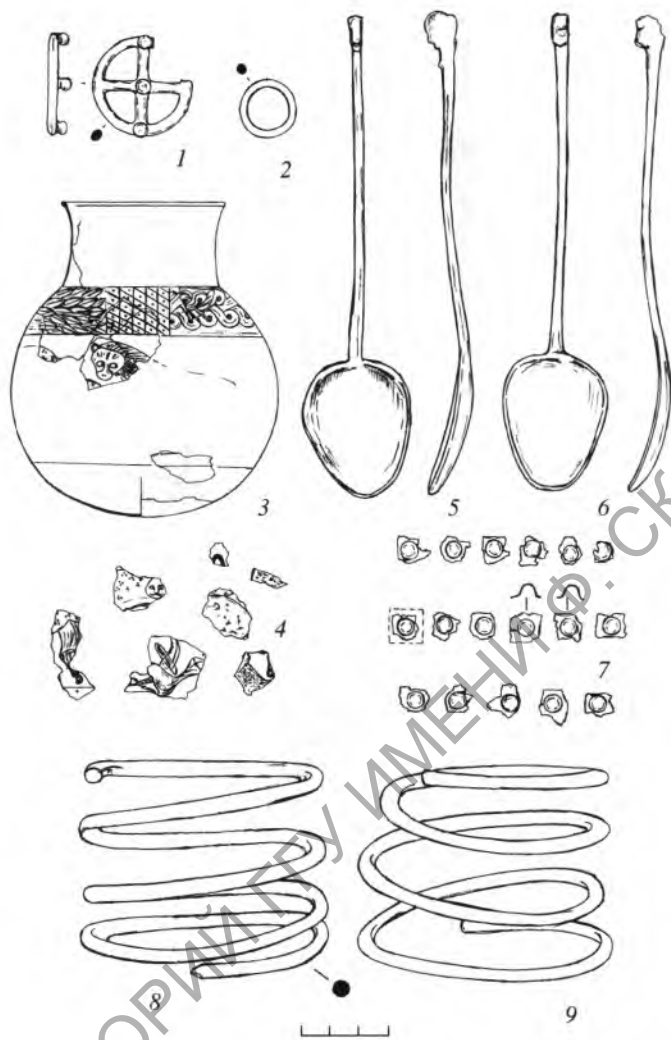

Рис. 12. Находки из погребения № 18

центре диска утолщение неправильных очертаний (особенности отливки). Другая сторона также рельефная и выполнена в виде четырех concentрических валиков. Ручка вытянутой трапецевидной формы, прямоугольная в сечении. Судя по тому, что на предмете обе поверхности рельефны, его нельзя считать зеркалом. Предмет был вставлен в «рукоять», изготовленную из цельной ископаемой (?) кости (рис. 4, 10; 13, 2). Она имела форму сосуда с прямым венчиком, округлым туловом и уплощенным дном. Диаметр «венчика» 6.8 см. Высота 15 см. Судя по сочетанию рельефных валиков и резных линий на горле и плечиках, «рукоять» могла быть изготовлена на токарном станке.

Кубок (рис. 3, 21; 12, 3). МАК № 968, 1061. Серебро, позолота, сохранился во фрагментах. Диаметр венчика 5.8 см. Высота 11 см. Максимальный диаметр тулова 9.5 см. Сосуд имеет прямое горло с отогнутым венчиком, сферическое тулово и округлое дно. Под венчиком проходит чеканный венок с двумя перевязями из пересекающихся прочерченных линий с точками внутри. Одна часть венка представлена

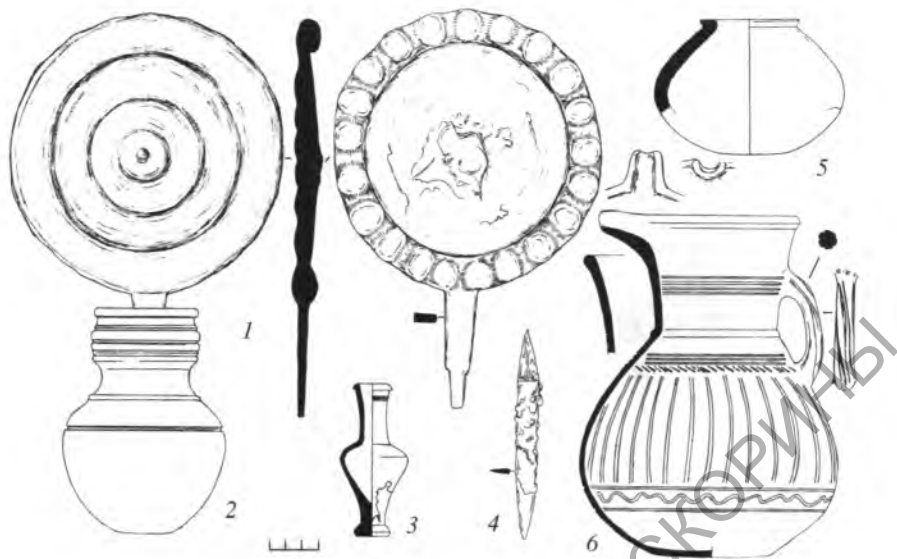

Рис. 13. Находки из погребения № 18

листьями лавра вытянутой формы, другая – в виде «плетенки». По тулову расположены изображения двух пар животных, направленных навстречу друг другу: грифон и пантера, пантера и некое хищное животное, от которого сохранились только лапы (рис. 12, 4). Верхняя часть сосуда, венки и пояс с изображением животных имеют следы позолоты, наложенной холодным способом (местами отслаивается).

Подвески (рис. 3, 29; 5, 10, 11). АЗС № 2868–2871. 4 экз. Золото 750°. Вес от 5.25 г до 6.3 г. Диаметр колпачка 1.4 см. Высота колпачка 0.5 см. Длина подвесок 2.3–2.6 см. Основа каждого изделия – полусферический колпачок с отверстием в центре, через которое продета проволока для подвешивания. По краям колпачка пробиты три отверстия, к которым на петлях подвешены три подвески в виде головы животного. На трех экземплярах все подвески в виде головы льва (рис. 5, 11), на четвертом – две подвески в виде лошадиной головы и одна в виде львиной (рис. 5, 10). Подвески свернуты из тонкой золотой пластины, рельеф слабый, выполнен в технике тиснения.

Бляшки бронзовые (рис. 4, 31; 12, 7). МАК № 1010. 18 экз. Размеры 1.3 × 1.3 см, высота 0.5 см. Бляшки квадратные в плане с высокой полусферической выпуклостью в центре. Изготовлены из тонкой бронзовой пластины. Все они повреждены в той или иной степени. Следов от каких-либо отверстий нет. Бляшки служили украшением какого-то изделия (сумка, мешочек) из органического материала.

Фаянсовая тарелка (рис. 4, 38; 14, 2). МАК № 965. Белый фаянс, глянцевое пятнистое покрытие зелено-голубого цвета. Диаметр по венчику 8.2 см. Диаметр дна 2.5 см. Высота 2 см. У тарелки горизонтальный широкий венчик, неглубокий корпус и слабо выраженный кольцевой поддон. По венчику проходит рельефный орнамент в виде венка. На дне, в обрамлении рельефного «жгута», помещено слаборельефное изображение человеческого лица с повязкой на лбу и округлыми локонами прически.

Стеклянная чаша (рис. 4, 48; 14, 6). МАК № 967. Диаметр по венчику 8.5 см. Диаметр поддона 4 см. Высота 5 см. Чаша полусферической формы выполнена в мозаичной технике из спиральных секций разного размера, спрессована в форме. Венчик косо срезан снаружи и изнутри. Поверхность внутри и край снаружи отшлифованы вращением. Высокий массивный поддон оформлен в виде усеченного конуса. Фон орнамента – желтое стекло, спиральные завитки выполнены из полупрозрачного стекла с добавлением золотых вкраплений.

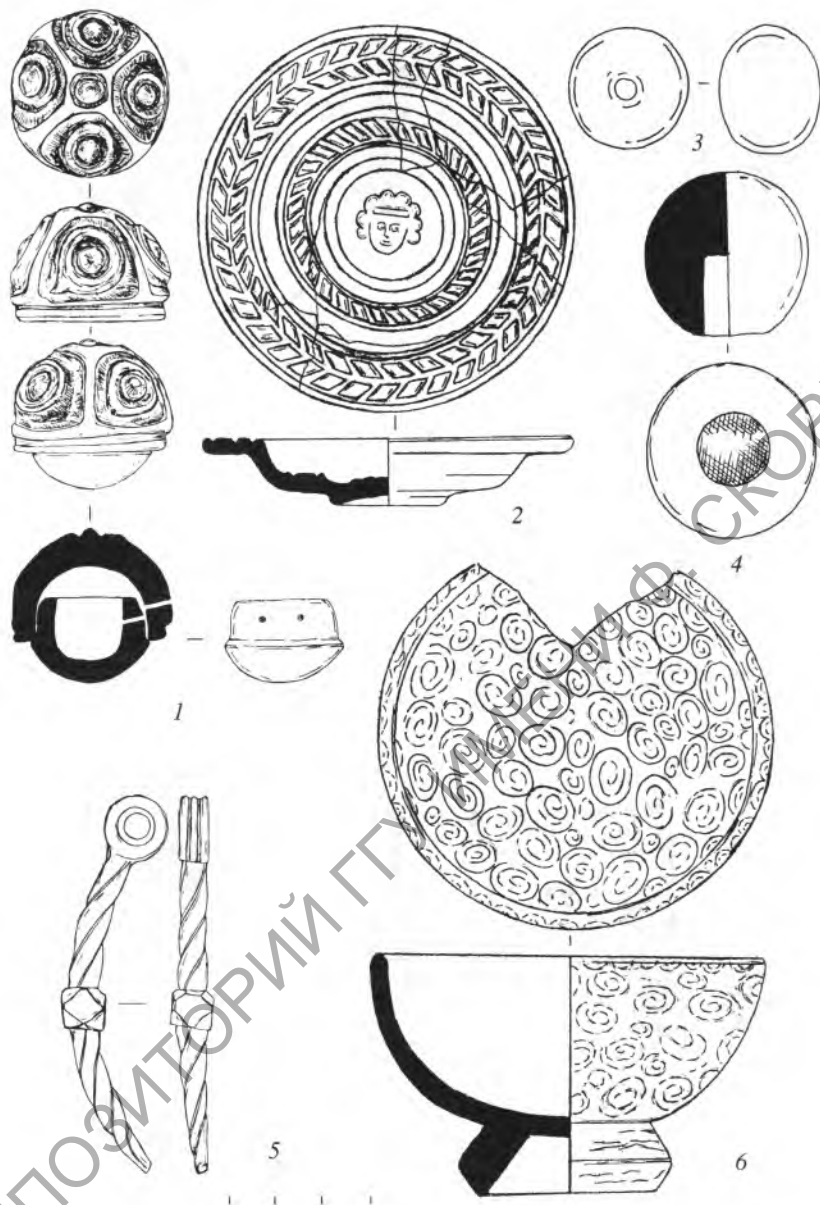

Рис. 14. Находки из погребения № 18

Шар из гагата (рис. 4, 33; 14, 4). МАК № 972. Гагат. Диаметр 3.5 см. В шаре высверлено цилиндрическое углубление диаметром 1 см, глубиной 1.5 см.

Пирамидальная бусина из гагата. Не сохранилась. Описание предмета по полевой описи: «Бусина усеченно-конической формы, ребристая, с четырьмя антропоморфными фигурками, с воздетыми кверху руками. Отверстие 5 × 5 мм в верхней части бусины и сквозное по диагонали для пронизи. Размер 1 × 2 × 2.3 см».

Перстень со стеклянной вставкой (рис. 4, 30; 9, 8). АЗС № 2866. Золото 900°. Стекло. Вес 10.7 г. Размеры щитка 3.35 × 2.37 см. Внутренний диаметр перстня 1.8 ×

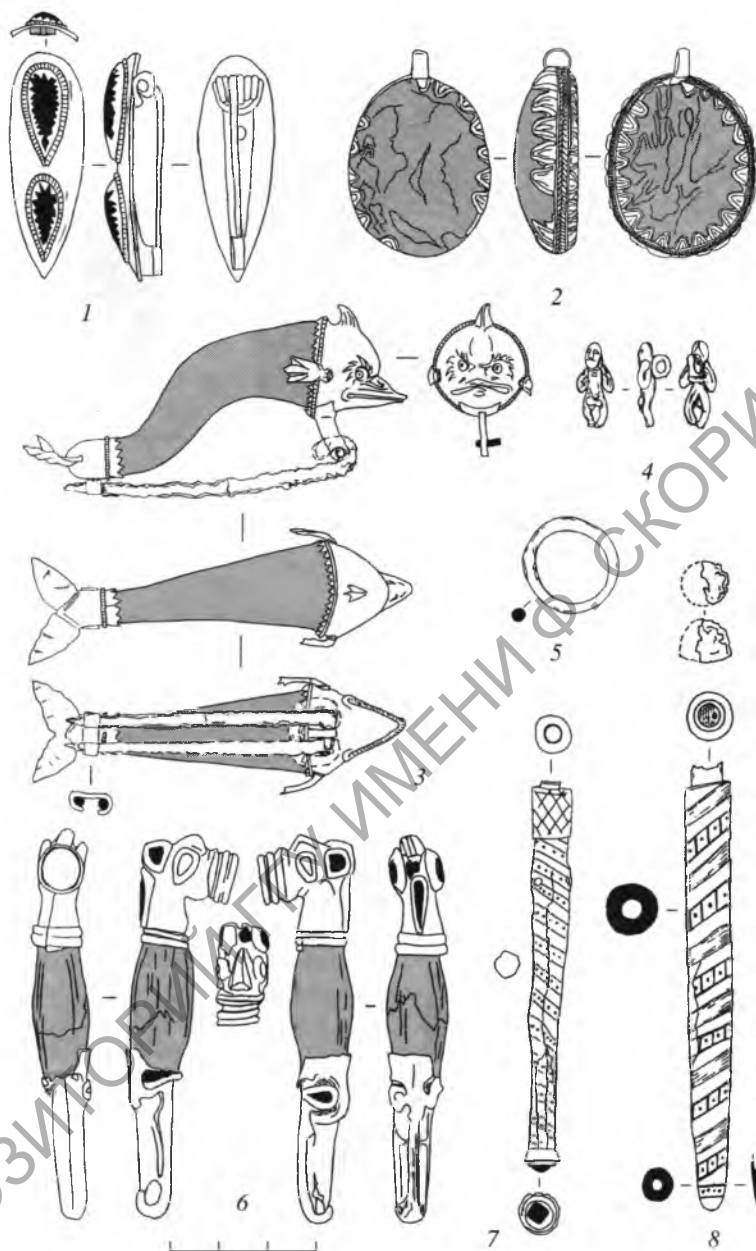

Рис. 15. Находки из погребения № 18

× 1.65 см. Оправа перстня пустотелая. Сечение дужки сделано в виде плоско-выпуклой линзы. Щиток слегка расширяется. Гнездо вставки окружено двумя прочерченными линиями. В центре линзовидная вставка овальной формы, выточенная из стекла фиолетового цвета. Края геммы и элементы резного изображения затерты и скруглены, внутри стекла четко видны пузырьки. На гемме вырезано изображение женской головы в профиль влево. Над лбом – валик волос, переходящий в узел на затылке. Поверх валика – корона-диадема с завязками сзади.

Перстень с золотой вставкой (рис. 4, 46; 9, 7). АЗС № 2867. Золото 750°. Вес 7.84 г. Размеры щитка 2 × 1.25 см. Внутренний диаметр перстня 1.8 см. Перстень в пустотелой оправе. Сечение дужки в виде вогнуто-выпуклой линзы. По внутреннему краю дужки четко виден шов соединения внутренней и внешней ее сторон. Центральная вставка съемная, в виде пластины, оттиснутой в высоком рельефе с графической доработкой. На ней изображена женская голова en face. Волосы расчесаны на прямой пробор и зачесаны наверх. На лбу – венец. В ушах показаны серьги в виде кружочка с треугольной подвеской. На шее – украшение, видимо, гривна с распрямляющимися концами.

Фибула в виде дельфина (рис. 4, 43; 15, 3). Фибула – АЗС № 2878. Железная игла – МАК № 1060. Золото 900°. Горный хрусталь. Вес 29.7 г. Длина 7.8 см.

Голова дельфина выполнена из цельной ковanej пластины, детали (глаза, плавники) доработаны различными чеканами с внешней стороны. Снизу к голове дельфина припаяна прямоугольная пластина с вертикальной стойкой, к которой на бронзовой оси крепилась пружина железного двуигольного аппарата.

Туловище дельфина выполнено из прозрачного горного хрусталя. Кончик хрустального туловища вставлен в обойму из золотой пластины с зубчиками по краю, а эта обойма вставлена в колпачок, заканчивающийся хвостом. Снизу к колпачку припаян приемник для двух игл в виде полоски золотой пластины. В приемнике сохранились остатки железных игл.

Фибула со вставками граната и стекла (рис. 4, 42; 15, 1). АЗС № 2858. Золото 750°. Гранат, стекло. Вес 11.12 г. Длина 4.4 см, ширина 1.6 см. Щиток фибулы каплевидной формы выполнен из ковanej золотой пластины. С лицевой стороны напаяны два каста. В верхнем касте – вставка граната, в нижнем – зеленого прозрачного стекла. С оборота к щитку приклепана серебряная фибула с 6-витковой пружиной, пластинчатой спинкой, сплошным приемником и расклепанной с обеих сторон осью. Заклепка с лицевой стороны закрыта гранатовой вставкой.

Медальон с каменной вставкой (рис. 4, 41; 15, 2). АЗС № 2862. Золото 750°. Переливт. Вес 24.12 г. Высота 4.2 см. Ширина 3.1 см. Основу медальона составляет переливт – пестрый просвечивающий халцедон сложного рисунка в красноватых, желтых и молочных тонах¹⁵. Медальон двусторонний: овальная вставка в форме плоско-выпуклой линзы открыта с обеих сторон. С выпуклой стороны ее обрамляют крупные зубчики оправы. С плоской стороны вставки расположены мелкие зубчики. По ребру оправы, между рядами гладкой проволоки, напаян орнамент «елочка» из пары жгутов, скрученных из двух проволочек. К верхней части медальона припаяно ушко для подвешивания.

Амулет-подвеска в виде человеческой фигурки (рис. 4, 37; 15, 4). АЗС № 1860. Золото 958°. Вес 2.97 г. Высота 1.9 см. Антропоморфная фигурка сделана в технике литья. Голова овальной формы, черты лица переданы схематично: рот показан прорезанной линией, глаза в форме круглых ямок, заполнены стеклянной пастой голубого цвета. На туловище особо акцентированы гениталии. После отливки руки персонажа были загнуты и припаяны к плечам, ноги сдвинуты. Ягодицы разделены врезной линией. Сзади к фигурке припаяна петля.

Крупная округлая бусина из граната (рис. 4, 34; 14, 3). МАК № 1011. Диаметр 2.5 см.

Флакончик-подвеска (рис. 4, 36; 9, 6). АЗС № 2880. Золото 750°. Сердолик, стекло. Вес 3.27 г. Высота сосуда без крышки 1.8 см. Диаметр тулова 1.35 см. Диаметр горла 0.65 см. Высота крышки 0.25 см. Диаметр крышки 0.5 см. Туловище флакончика состоит из двух спаянных полусфер из тонкого золотого листа. К верхней припаяно горло сосуда, сделанное из полосы золотой пластины. Горло украшено двумя рядами орнамента «бегущая волна». Таким же орнаментом украшены верхний и сред-

¹⁵ По определению кандидата геолого-минералогических наук В.А. Супрачева этот тип халцедона может происходить только с Кара-Дага (юго-восток Крыма).

ний пояса орнамента на тулове. Место соединения горла и тулова закрыто ободком, свитым из двух проволочек. Таким же образом обведены три вставки на тулове: из желтого прозрачного стекла – в центре, из синего стекла – по бокам. Крышку сосуда украшает вставка красного сердолика. На дне припаяна 4-лепестковая розетка.

Золотая пиксида (рис. 4, 40; 9, 2–3). АЗС № 2881. Золото 750°. Вес 23.80 г. Высота сосуда 2.3 см. Максимальный диаметр тулова 3.2 см. Диаметр венчика 1.4 см. Высота крышки 1.4 см. Максимальный диаметр 3.3 см. Нижняя часть пиксиды представляет собой сосудик конической формы с ребром в нижней части и округлым дном (рис. 9, 2). На дне – орнамент в виде трехлепестковой розетки с точкой в центре, между лепестками розетки прочерчены треугольники. От краев розетки по направлению к ребру сосуда расположены вихревые линии. На дне, у ребра, два отверстия, между которыми напаяна полоска золотой пластины. В стенке сосуда также проделаны два отверстия.

Крышка пиксиды полусферической формы (рис. 9, 1). По краю проходит рельефный валик с косыми насечками, в котором проделаны два отверстия, совпадающие по размеру с отверстиями в сосудаке. Под ним орнамент из треугольников, пространство верхних треугольников заполнено беспорядочными наколами точек. Центр крышки украшает розетка с точкой в центре. От нее свастикообразно отходят четыре рельефных с косыми насечками завитка: три S-видных и один сложный завиток в форме вихреобразной розетки с тремя отростками. Между рельефными завитками помещены четыре розетки в виде выпуклости, расчерченной лучами – прямыми или вихреобразными. Два нижних отростка сложного завитка располагаются точно над двумя отверстиями в рельефном валике по краю. Остальное поле крышки забито рядами точек. Отверстия в сосудаке и крышке служили скорее всего для опечатывания пиксиды.

Гагатовая пиксида (рис. 4, 35; 14, 1). МАК № 982. Высота в закрытом состоянии 3.5 см. Максимальный диаметр 3.5 см. Состоит из двух частей – верхней (крышка) и нижней. Верхняя имеет правильную полусферическую форму и украшена глубоким резным орнаментом. В центре полусферическая выпуклость, вокруг нее орнамент в виде четырех ячеек, внутри которых вырезаны окружности в форме рельефных валиков также с полусферической выпуклостью в центре. По краю крышки проходит выпуклый валик. Сбоку в крышке проделаны два сквозных отверстия. Нижняя часть пиксиды имеет округлое дно, высокий вертикальный венчик и острое ребро-выступ, служившее для опоры крышки. В венчике проделаны два отверстия, примерно соответствующие отверстиям в крышке. Видимо, они, как и в случае с золотой пиксидой, служили для опечатывания сосуда.

Серебряное кольцо с перекрещивающимися спицами (рис. 4, 39; 12, 1). МАК № 970. Диаметр 3.5 см. На одной из спиц симметрично расположены три сферические выпуклости.

Золотое гладкое кольцо (рис. 4, 52; 15, 5). АЗС № 2859. Золото 750°. Вес 7.44 г. Диаметр 2.5 см. Кольцо сделано из круглого в сечении стержня. На кольце заметно утолщение на месте спайки.

Серебряное гладкое кольцо (рис. 4, 49; 12, 2). МАК № 969. Диаметр 2 см. Выполнено из круглого в сечении стержня.

Серебряные ложки (рис. 4, 47; 12, 5–6). МАК № 1004–1005. 2 экз. Длина 17 см. Ручки ложек представляют собой слегка изогнутый, квадратный в сечении стержень, заканчивающийся фигурными окончаниями. Нижняя их часть эллипсовидной формы и слегка изогнута.

Игольник золотой (рис. 4, 50; 15, 7). АЗС № 2883. Золото 958°. Вес 7.94 г. Длина 7.8 см. Диаметр крышки 0.8 см. Свернут из золотой пластины, орнаментированной по спирали косыми линиями и точечными наколами. Низ украшает круглая выпуклая вставка синего стекла в оправе, верх закрывает крышка-колпачок, свернутая из золотой пластины, покрытой прочерченными пересекающимися линиями; верх кол-

пачка плоский, со сквозным отверстием для вынимания иголки. В первой публикации игольник назван флаконом в виде узкой трубочки¹⁶.

Игольник костяной в золотой оплетке (рис. 4, 50; 15, 8). КВ № 1018¹⁷. Золото 900°. Длина сохранившейся части 9 см. Диаметр 1 см. Выполнен в виде стержня с закругленным окончанием с одной стороны. Верхняя часть срезана по кругу для насадки крышки. Тулово украшено спиральным орнаментом из широкой врезной полосы, в которую вставлялась золотая лента, и прочерченной полосы в виде квадратных ячеек с точкой в центре. Врезные линии заполнены черной краской. Внутри игольника сохранились фрагменты тонкой железной иглы.

Амулет-бусина в зооморфной оправе (рис. 4, 44; 15, 6). АЗС № 2882. Золото 900°. Мел (?). Вес 19.84 г. Длина 7.8 см. Диаметр бусины 1.4 см. Основу амулета составляет крупная биконическая бусина из мела (?) с каналом, диаметром 0.2 см. Верхнюю часть бусины украшает наконечник в виде головы кошачьего хищника из ковanej золотой пластины. В ушах животного сохранились пастовые вставки, полностью коррозированные. На шее сзади помещена узкая каплевидная пастовая вставка в рельефном ободке – имитация гривы. На затылке пробито отверстие неправильных очертаний. На нижнюю часть бусины надет еще один наконечник с рельефным изображением двух бедер с каплевидными вставками и хвоста, закрученного колечком вокруг сквозного отверстия. Первоначально был определен как флакон с веретенообразным корпусом из алебаstra¹⁸.

Амулет-подвеска из гагата (рис. 4, 51; 14, 5). МАК № 971. Длина 8 см. Диаметр кольца 1.5 см. Представляет собой изогнутый, заостренный книзу стержень, вырезанный в виде трех спирально закрученных рельефных жгутов. В центральной части находится 14-гранник, составляющий со стержнем единое целое. Сверху стержень заканчивается плоским кольцом с двумя врезными линиями по ребру.

Алебастровый сосуд (рис. 3, 54; 13, 5). МАК № 963. Диаметр венчика 6.5 см. Реконструированная высота 9 см. Сосуд округлой формы, с массивным, низким, слегка отогнутым уплощенным венчиком. Судя по сохранившимся фрагментам, алебастр имеет плотную, кристаллическую структуру с розоватым оттенком. Внешняя поверхность гладко отшлифована, а на внутренней заметны следы обработки резцом в виде вертикальных борозд.

Нож (рис. 4, 32; 13, 4). МАК № 1006. Железо. Длина 14 см. Ширина 1.5 см. Имеет прямое лезвие, на черешке – отпечатки деревянной ручки.

IV. ХРОНОЛОГИЯ И КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КОМПЛЕКСА

Предметы конской узда (рис. 2). Сочетание таких предметов, как железный пластинчатый налобник с крючком, удила с крестовидным псалием и псалий с зооморфными окончаниями очень специфично. Подобные наборы в свое время датировались в целом III–I вв. до н.э.¹⁹, по новейшим исследованиям их относят ко II – началу I в. до н.э.²⁰

Бронзовые бляшки (рис. 12, 7) встречаются исключительно в комплексах II–I вв. до н.э. в Северном Причерноморье. Среди крымских находок нужно назвать наиболее ранние погребения мавзолея Неаполя Скифского²¹. Представительная серия та-

¹⁶ Симоненко. Сарматы Таврии. С. 73.

¹⁷ Номер в хранении Музея исторических драгоценностей Украины (Киев).

¹⁸ Симоненко. Сарматы Таврии. С. 73.

¹⁹ Симоненко А.В. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 244; Дзис-Райко Г.А., Суничук Е.Ф. Комплекс предметов скифского времени из села Великопольского // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1984. С. 149.

²⁰ Симоненко А.В. Погребение у с. Чистенькое и «странные» комплексы последних веков до н.э. // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 95–96.

²¹ Погребова Н.Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. 96. Рис. 8, 7; 10. V.

ких украшений отмечена в комплексах Прикубанья²², где они интерпретированы в качестве украшений кожаных колчанов²³, такие же бляшки имеются и в раннесарматском погребении 1 кургана 31 у с. Виноградное²⁴.

Кольцо с крестовиной (рис. 12, 1). Подобные изделия известны в основном в Крыму: в Восточном некрополе Неаполя Скифского и Тавельских курганах конца II–I в. до н.э.²⁵, в мавзолее Неаполя Скифского они найдены в том же погребении, что и бронзовые бляшки²⁶.

Фибулы. В погребении найдены две различные по конструкции фибулы. Одна в виде дельфина (рис. 15, 3) уникальна по художественным достоинствам и снабжена двуйгольным железным аппаратом. Самая ранняя находка фибулы с двумя иглами происходит из могилы Б Зеленского кургана III в. до н.э.²⁷ Пик распространения двуйгольных фибул-брошей в Прикубанье и в Крыму приходится на II–I вв. до н.э.²⁸ При этом в Прикубанье они изготавливались преимущественно из золота, а в Крыму – из серебра и бронзы. Отдельные находки фибул такой конструкции (некоторые из них в переделанном виде) известны и в более поздних памятниках Прикубанья²⁹ и вообще Северного Причерноморья³⁰.

Другая застежка (рис. 15, 1) снабжена игольным аппаратом, который традиционно датировался I в. н.э.³¹ Однако Б.Ю. Михлин обратил внимание на находки фибул с пластинчатой спинкой и сплошным приемником в комплексах II–I вв. до н.э.³² Следуя его наблюдениям, ногайчинская брошь может быть отнесена к разряду «малоизученных греческих фибул-брошей» с пластинчатой листовидной спинкой и сплошным приемником³³. Фибулы такой конструкции найдены, например, в нижних ярусах мавзолея Неаполя Скифского конца II – начала I в. до н.э.³⁴

Стекланная чаша (рис. 14, 6). Находки стеклянных сосудов в технике миллефиоре в Северном Причерноморье единичны. Ее расцвет приходится на I в. до н.э. – I в. н.э.³⁵ При этом для ранних сосудов характерны относительная простота формы, а в декоре преобладание двуцветных, хаотично расположенных спиралей, как на нашем сосуде. К более поздней группе относятся изделия со сложным профилем (форма *RippenSchale* и др.), когда цветовая гамма становится богаче, а элементы – сложнее. Экземпляры, полностью аналогичные ногайчинскому сосуду, найдены при исследовании кораблекрушения начала I в. до н.э. у Антикиферы³⁶.

²² Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. Рис. 60, 12; 85, 4; 97, 12; 107, 8; 109, 7.

²³ Шевченко Н.Ф. Стрелы у сарматских племен Прикубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993. С. 46.

²⁴ Simonenko A.V. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skyten im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. В., 2001. V. 7. Abb. 5, 2; Симоненко О.В. Раннесарматский период у Північному Причорномор'ї // Археологія. 1994. № 1. С. 36. Рис. 32, 1.

²⁵ Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Вып. Д 1–7. 1991. С. 36. Табл. 62, 6, 11.

²⁶ Погребова. Ук. соч. Рис. 11, 2.

²⁷ Шкорпил В.В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // ИАК. 1916. 60. С. 26. Рис. 8.

²⁸ Марченко. Ук. соч. С. 31; Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 3. С. 206–207.

²⁹ Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994. Кат. 142, 372.

³⁰ Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев, 1986. Рис. 36, 2.

³¹ Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д 1–30. 1966. С. 25, 43, 45.

³² Михлин Б.Ю. Сарматское погребение в Южном Донбассе // СА. 1975. № 4. С. 190–191.

³³ Там же. С. 191.

³⁴ Зайцев Ю.П. Скилур и его царство: новые открытия и новые проблемы // ВДИ. 1999. № 2. С. 138. Рис. 4, X, VII.

³⁵ Кунина Н.З. Античное стекло в собрании Эрмитажа. СПб., 1997. С. 34.

³⁶ Weinberg G.D. The Glass Vessels from the Antikythera Wreck // The Antikythera Shipwreck Reconsidered. Transactions of the American Philosophical Society. 1965. New Series. V. 55. Pt 3. Fig. 15–17; *idem*. Glass Vessels in Ancient Greece. Athens, 1992. № 69–70.

Кувшин чернолощенный (рис. 13, 6). Кувшин из ногайчинского погребения сопоставим с керамикой III–I вв. до н.э. из Центрального Предкавказья и Прикубанья³⁷. Характерными его особенностями являются ложновитая ручка, орнамент в виде вертикальных полос, наличие слива, сочетание плотной серой глины с лошением. Совокупность этих признаков не позволяет датировать сосуд позднее I в. до н.э.

Унгвентарий (рис. 13, 3). С середины I в. до н.э. унгвентарии на ножке сменяются флаконами с уплощенным округлым дном – bulbous type³⁸. Процесс смены одного вида флаконов другим был постепенным³⁹, но уже к рубежу эр в твердо датированных комплексах встречаются только круглодонные унгвентарии⁴⁰. В отличие от массовых находок веретенообразных унгвентариев II – начала I в. до н.э. более поздние экземпляры в памятниках Северного Причерноморья редки. Единственная точная аналогия ногайчинскому флакону происходит из склепа № 126 некрополя Тирамбы⁴¹. К сожалению, инвентарь, сопровождавший остатки пяти разновременных погребений, датирован широко – II в. до н.э. – началом I в. н.э.⁴² и не позволяет уточнить дату ногайчинского унгвентария. Самая представительная выборка подобных (но с более плавными очертаниями корпуса) флаконов известна из слоя пожара «дома Хрисалиска»⁴³, где они обнаружены вместе с пантикапейскими монетами 63–47 и 44–30 гг. до н.э.⁴⁴ Близкий флакон найден также в могиле № 469 Усть-Альминского некрополя в 1994 г. вместе с фибулой типа «Алезия» (60–15 гг. до н.э.). Все эти наблюдения позволяют определить дату ногайчинского унгвентария в пределах первой половины – середины I в. до н.э.

«Зеркало» (рис. 13, 1–2). Может быть сопоставлено с зеркалами только по таким признакам, как форма диска, валик по краю и наличие выступа-ручки. Оно не могло использоваться в качестве зеркала, поскольку обе его стороны рельефны. Скорее всего это какой-то ритуальный предмет-навершие, подобный «зеркалу» из Соколовой могилы⁴⁵. «Зеркало» из Ногайчинского кургана по формальным признакам наиболее близко зеркалам с валиком по краю, выпуклостью в центре и цельнолитой ручкой⁴⁶. Этот тип продолжает развитие зеркал с валиком по краю и встречается очень широко от Средней Азии до Днестра и вряд ли является импортом из Бактрии, как иногда считается⁴⁷. Об этом свидетельствуют находки в Прикубанье зеркал, переходных от одного типа к другому. Судя по таким отличительным признакам, как крупный диск (диаметр 18 см) и слабо выраженная выпуклость в центре диска, наш экземпляр относится к началу развития зеркал VIII типа, т.е. к концу II – началу I в. до н.э.⁴⁸

Ювелирным украшениям из Ногайчинского кургана посвящена довольно обширная литература. Основной вопрос, который стал предметом напряженной дискуссии,

³⁷ *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993. С. 40–41; *Марченко. Ук. соч.* Рис. 32–33.

³⁸ *Thompson H.A.* Two Centuries of Hellenistic Pottery // *Hesperia*. 1934. V. III. № 4. P. 347; *Hempel K.G.* Keramik des 2. und 1. Jhs. v. Chr. aus der Nekropole von Tarent // *Ε' ΕΠΙΣΤΗΜΟΝΙΚΗ ΣΥΝΑΝΤΗΣΗ ΓΙΑ ΤΗΝ ΕΛΛΗΝΙΣΤΙΚΗ ΚΕΡΑΜΙΚΗ*. Αθήνα, 2000. S. 434, 436. Abb.10. Phase E3 und Phase F.

³⁹ *Anderson-Stojanović V.R.* The Chronology and Function of Ceramic Unguentaria // *AJA*. 1987. № 1. P. 110 (комплексы в Аргосе, Коринфе и Стоби второй половины I в. до н.э., в которых сочетаются унгвентарии обеих форм).

⁴⁰ См., например: *Засецкая И.П., Ильюков Л.С., Косяненко В.М.* Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // *Донская археология*. Ростов-на-Дону, 1999. № 2. С. 56. Рис. 3, 1.

⁴¹ *Коровина А.К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // *Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина*. М., 1987. Вып. 8. Рис. 28.

⁴² Там же. С. 62.

⁴³ *Соколовский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. Рис. 54.

⁴⁴ Там же. С. 118–120.

⁴⁵ *Ковпаненко. Ук. соч.* Рис. 70–73.

⁴⁶ Тип VIII по И.И. Марченко (*Марченко. Ук. соч.* С. 21–22).

⁴⁷ *Simonenko.* Chinese and East Asian Elements... P. 58.

⁴⁸ *Марченко. Ук. соч.* С. 21–23.

касается их датировки и, в меньшей степени, места производства. М.Ю. Трейстер, подробно разобравший стиль этих изделий, отнес их в целом к концу III–II вв. до н.э.⁴⁹ При этом он обратил внимание на значительный хронологический разрыв между временем их изготовления и датой погребения, которая была определена как вторая половина I – начало II в. н.э.⁵⁰ А.В. Симоненко в категоричной форме высказался о принципиальной невозможности такой ситуации и предложил датировать ногайчинские украшения временем погребения, т.е. раннеримским периодом⁵¹. Свою позицию автор аргументировал тем, что М.Ю. Трейстер в поисках аналогий привлек большое количество беспаспортных находок из различных музейных коллекций и частных собраний, что обесценило его выводы. Однако для собственного заключения о том, что «основные технологические и стилистические приемы ювелирного искусства позднего эллинизма в раннеримское время не изменились», А.В. Симоненко вообще не привлекает аналогий, хотя в последние десятилетия накопился значительный по объему материал, хорошо документированный раскопками в Македонии, Фессалии, Болгарии, Южной Италии. Мы не можем полностью согласиться с А.В. Симоненко и в «некорректности» привлечения изделий, датированных вне контекста, поскольку во многих случаях имеются основания для их хронологической атрибуции. Этому посвящены специальные работы, с которыми можно спорить, но которые нельзя отвергать.

Браслеты (рис. 10). Среди ювелирных украшений из Ногайчинского кургана наибольшее внимание привлекают браслеты, украшенные фигурками Эрота и Психеи (табл. I, 3, см. вклейку). Подробный анализ браслетов проведен М.Ю. Трейстером⁵², который последовательно разобрал такие признаки, как использование в декоре мелкого жемчуга, украшение скульптурными композициями, сюжет изображения, шарнирная конструкция, овальные пластины со вставками в качестве замка. Стилистический анализ заключался в подборе аналогий по перечисленным признакам среди широкого круга древностей с IV в. до н.э. до I в. н.э., что, принимая во внимание уникальность браслетов, надо признать единственно возможным. Однако все признаки рассматриваются им в статье как одноуровневые и между ними не делается различий в плане информативности. Например, такой яркий стилистический признак, как центральный щиток с крупным камнем, закрепленный с помощью шарнира, не может служить датировочным признаком. Украшенные таким образом вещи появились в эллинистическое время, но были широко распространены в эпоху поздней античности и средневековья, а на мусульманском Востоке они популярны до сих пор.

В конструкции браслетов использованы пустотелые составные трубки, по месту соединительных швов которых проложена проволока, разделанная под астрагал. Такая конструкция характерна для изделий эллинистического времени. В качестве примера можно привести знаменитую диадему из Артюховского кургана⁵³, не менее известную корону из Тарента конца III – начала II в. до н.э.⁵⁴ и браслет из Тух-эль-Карамус второй четверти III в. до н.э.⁵⁵

Сюжет браслетов – Амур и Психея – сам по себе не может оказать существенной помощи ни в датировке, ни в определении места их производства, и это подтверждается анализом М.Ю. Трейстера. Стоит заметить, однако, что пик популярности этого сюжета приходится на эллинистическую эпоху. Это наблюдение справедливо также по отношению к другим ярким стилистическим моментам, таким как применение

⁴⁹ Treister. Concerning the Jewellery... P. 154; *Трейстер*. О ювелирных изделиях... С. 201.

⁵⁰ Симоненко. Сарматы Таврии. С. 117.

⁵¹ Он же. О датировке и происхождении античных драгоценностей... С. 193.

⁵² Treister. Concerning the Jewellery... P. 123–133; *Трейстер*. О ювелирных изделиях... С. 183–190.

⁵³ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979. Арт. 1.

⁵⁴ Gli ori di Taranto in Etá Ellenistica / Ed. M. De Juliis. Milano, 1989. P. 122–124. Cat. 54.

⁵⁵ Pfommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks // Istanbulur Forschungen. 1990. 37. S. 299. HK3. Taf. 8, 1–2.

скульптурных форм в композиции ювелирных украшений и употребление растительных орнаментов в декоре. Все эти признаки – знаки «моды» именно эллинистического времени, хотя они и не дают более точной даты.

Фигуры Эроса и Психеи вырастают из цветка – распустившейся розетты с четырьмя лепестками. Такие же по схеме розетты украшают ручки серебряного киллика. Этот мотив, довольно редкий сам по себе, встречается только на изделиях позднеэллинистического времени⁵⁶.

Другая выразительная деталь браслетов – оплетка в виде золотых нитей с нанизанными жемчужинами. Сам принцип нанизывания мелкого жемчуга на проволоку в декоре ювелирных украшений не может являться датировующим признаком, так как этот прием очень широко применялся в античном ювелирном деле⁵⁷.

Помимо жемчужин на нити оплетки нанизаны бочонковидные бусы из агата с поперечной белой полоской и такие же из стекла, круглые бусины зеленого стекла и маленькие круглые колечки, украшенные тремя рядами зерни (табл. I, 4). Стекланные бусины с поперечно-полосатым орнаментом, многие из которых имитировали ониксы, наиболее характерны, по мнению Е.М. Алексеевой, для II в. до н.э. – I в. н.э.⁵⁸ Такие бусы являются характерной особенностью украшений периода позднего эллинизма. В крымских погребениях II–I вв. до н.э. они встречаются регулярно и наборами⁵⁹, тогда как в более позднее время их находки единичны.

Сочетание бочонковидных полосатых бусин, круглых бусин зеленого стекла и колечек с тремя рядами зерни представлено на ожерелье из Песчаного I в. до н.э., близкого по стилю ювелирным украшениям Артюховского кургана⁶⁰. В составе этого ожерелья важными деталями являются также золотые коробочки ромбической формы с овальными вставками, небольшие круглые и овальные рюбечки со вставками зеленого камня (берилла или изумруда) совершенно такой же конструкции, что и на ногайчинских браслетах. Все перечисленные признаки являются деталями, свидетельствующими не только о синхронности обеих находок, но и об одном центре их изготовления. Таким образом, исходя из общего анализа ногайчинских браслетов, их можно отнести ко времени позднего эллинизма.

Серьги (рис. 6, 1–2). Серьги из Ногайчинского кургана представляют собой хорошо известный тип эллинистических украшений с диском и подвесками⁶¹. От более поздних экземпляров римского времени той же схемы (щиток с камнями и подвески) их отличает большее внимание к деталям, тонкость работы, некоторые специфические детали и особенности изготовления (табл. I, 7, см. вклейку).

Под верхней вставкой полосатого агата расположена весьма важная деталь – золотая полоска U-видной формы с мелкой зернью по краю. Такая обводка характерна для так называемой «короны Исиды» – частого элемента декора эллинистических украшений. Ее можно видеть на серьгах из Артюховского кургана⁶², серьгах II в. до н.э. из погребений некрополя Тарента⁶³ и множестве других изделий из различ-

⁵⁶ Barr-Sharrar B. The Bronze Lamps // Das Wrack. Der antike Schiffsfund von Mahdia. Bd I. Köln, 1994. Abb. 5–7.

⁵⁷ Treister. Concerning the Jewellery... P. 125, 127; Трейстер. О ювелирных изделиях... С. 184–185.

⁵⁸ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1-12. 1978. С. 34.

⁵⁹ Погребова. Ук. соч. С. 169. Рис. 12, 1; 18, 2; 20, 1; 25, 32, 4; Корпусова В.Н. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории европейского Боспора). Киев, 1983. Табл. XXVI; Дашевская О.Д., Михлин Б.Ю. Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника // СА. 1983. № 3. Рис. 4; Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3. Рис. 5.

⁶⁰ Ждановский А.М. Новое погребение кочевников сарматского круга из Закубанья // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 111; Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки. М., 1987. Кат. 174.

⁶¹ Rudolf W. A Golden Legacy. Ancient Jewelry from the Burton J. Berry Collection at the Indiana University Art Museum. Bloomington, 1995. P. 110.

⁶² Максимова. Ук. соч. Арт. 40.

⁶³ Gli Ori di Taranto... P. 166, 168. Cat. 80, 82, 83.

ных музейных собраний⁶⁴. Серьги с этим декором были особенно распространены в Восточном Средиземноморье во II–I вв. до н.э.⁶⁵ Неотъемлемым атрибутом таких серег является также оформление перехода от верхней вставки к центральной в виде двух волнот, направленных в противоположные стороны. Специфичны и маленькие розетки из шариков зерни, которые помещались на петлях и в других малозаметных местах⁶⁶.

Другая не менее характерная деталь – центральная сложносоставная вставка в обрамлении мелкой зерни. Многочисленные аналогии ногайчинским серьгам по этому признаку собраны М.Ю. Трейстером⁶⁷. Добавим, что употребление инкрустации в виде узора из миниатюрных вставок белого и темного стекла встречается на особо изысканных изделиях Тарентской школы⁶⁸.

Подвески в виде амфорок, тулово которых выполнено в виде нанизанной на центральный стержень бусины, были очень популярны на серьгах эллинистического времени, но на более поздних экземплярах пока не встречены. Совершенно идентичные ногайчинским подставочки под центральной подвеской в виде профилированного кубика имеются на серьгах из Артюховского кургана⁶⁹, украшениях из погребений Тарента⁷⁰, серьгах из Музея изящных искусств Бостона и Британского музея⁷¹. Мелкие подвески в виде бусин, продетые через золотые проволочки, заканчивающиеся золотым шариком, украшают серьги, предположительно происходящие из погребения в Палеокастро (Фессалия) второй половины II – начала I в. до н.э., а также другие изделия того же времени⁷². Все аналогии не выходят за рамки позднего эллинизма.

Еще одна деталь, на которой следует остановиться, – миниатюрные колечки, украшенные зернью по краю. Сочетание с бусами зеленого стекла и берилловыми вставками, использование полосатого агата, общая цветовая гамма и набор стилистических элементов позволяют предположить, что ногайчинские серьги составляли гарнитур с ручными браслетами из этого же комплекса. По перечисленным признакам к изделиям того же времени и, возможно, той же мастерской следует отнести уже упоминавшееся ожерелье из Песчаного I в. до н.э.⁷³

Перстни. Большой интерес представляет перстень с инталией на прозрачном стекле темно-фиолетового цвета (рис. 9, 8). А.В. Симоненко отнес перстень к III–II вв. до н.э.⁷⁴, а инталия, по его мнению, относится уже к римскому времени, т.е. она была вставлена в более раннюю оправу⁷⁵. Это утверждение заслуживает специального комментария.

Оправа перстня действительно характерна для III–II вв. до н.э.⁷⁶ По форме он относится к IV типу эллинистических перстней с расширяющейся кверху дужкой, которые происходят преимущественно из комплексов Александрии и Кипра⁷⁷, но известны и на Боспоре. Что же касается геммы, то такие изделия не могут датироваться

⁶⁴ *Deppert-Lippitz B.* Griechisches Goldschmuck. Mainz, 1985. S. 261. Abb. 194, 217. Tab. XXV, XXXI.

⁶⁵ *Davidson P.F., Oliver A. Jr.* Ancient Greek and Roman Gold Jewelry in the Brooklyn Museum. Brooklyn, 1984. P. 70; *Jackson M.* New Evidence for dating a Group of Ptolemaic Earrings // *EtTrav.* P. 63–86; *Sevitz N., Treister M.* Dardanos Tumulus // *Studia Troica* 13 (in print).

⁶⁶ *Максимова.* Ук. соч. Арт. 40; *Gli Ori di Taranto...* Cat. 80, 82, 83.

⁶⁷ *Treister.* Concerning the Jewellery... P. 136–137; *Трейстер.* О ювелирных изделиях... С. 191.

⁶⁸ *Gli Ori di Taranto...* P. 168. Cat. 83.

⁶⁹ *Максимова.* Ук. соч. Арт. 40.

⁷⁰ *Gli Ori di Taranto...* Cat. 80, 82.

⁷¹ *Deppert-Lippitz.* Op. cit. Abb. 194. Taf. XXXI.

⁷² *Ibid.* Abb. 217–219. Taf. XXXI; *Максимова.* Ук. соч. Арт. 40.

⁷³ *Ждановский.* Ук. соч. С. 111; *Шедевры...* Кат. 174.

⁷⁴ *Симоненко.* Сарматы Таврии. С. 73.

⁷⁵ *Он же.* О датировке и происхождении античных ювелирных украшений... С. 192.

⁷⁶ *Boardman J.* Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical. L., 1970. P. 213,

385.

⁷⁷ *Plantzos D.* Hellenistic Engraved Gems. Oxf., 1999. P. 37.

столь же точно, как монеты, с которыми они часто имеют общие сюжеты. Затрудняет их точную хронологическую атрибуцию тот факт, что резными изображениями очень дорожили, их часто передавали по наследству и вставляли в новую оправу. Обратные случаи пока не известны, поскольку оправы снашивались и выходили из моды быстрее. Основой для датировки гемм в мировой практике служат такие признаки, как сюжет, стиль, техника, а также форма вставки и ее материал.

Женская голова, изображенная на гемме, имеет очень характерную прическу в виде параллельных прядей, зачесанных назад и убранных в узел. На голову одет венец, две длинные завязки которого спускаются сзади. У изображенного персонажа энергичные черты лица, прямой нос, высоко поднятая голова (табл. I, 5–6). Перечисленные особенности позволяют отнести гемму к числу портретных и с определенной долей уверенности связать с изображениями Арсиной III Филопаторы из династии Птолемеев, обожествленной в конце III в. до н.э. ее сыном Птолемеем V⁷⁸. При жизни Арсины поклонялись как Афродите, известны дериваты ее изображений, которые продолжали тиражироваться и после смерти царицы⁷⁹. Эти портреты пользовались особой популярностью в Северном Причерноморье: из некрополей греческих городов этого региона происходят не менее десяти бронзовых перстней с изображением Арсиной III Филопаторы, датирующихся около 200 г. и первыми десятилетиями II в. до н.э.⁸⁰ Изображения этой и других птолемеевских цариц почитались здесь, по мнению О.Я. Неверова, в качестве покровительниц мореплавания, возможно, в ипостаси Афродиты-Навархиды⁸¹.

Геммы из стекла относились к числу наиболее дешевых предметов, хотя известны случаи, когда их выдавали за каменные и продавали по их цене. Распространены они были одновременно с соответствующими изделиями из камня⁸². Стекланные геммы с портретом Арсиной III и его дериватами хорошо известны наравне с вырезанными на камне и в металле⁸³. По форме вставки – большой кабошон (3.35 × 2.37 см) в виде вогнуто-выпуклой линзы в сечении – гемма характерна для III–II вв. до н.э., поскольку в I в. до н.э. более популярными становятся плоские гравированные поверхности небольшого размера⁸⁴. По стилистическим особенностям гемма относится к так называемому Coarse Style, признаками которого выступают: грубая, суммарная трактовка тела и драпировки, головы круглых очертаний с крупными чертами лица, преобладание прямых, резких, глубоких линий, низкое качество исполнения, а основным материал – стекло темно-коричневого и вишневого цвета. Такие изделия, по мнению Д. Планцоса, сначала копировались отливкой с каменных гемм, а затем подрабатывались резцом до полной иллюзии резного камня, из-за чего черты изображения выглядят крупнее, чем на оригиналах. Датируются они в основном II в. до н.э.⁸⁵ Подобной доработкой скорее всего и объясняются «укрупненные» черты Арсиной с ногайчинской геммы.

Таким образом, судя по форме, стилю, сюжету, материалу и технике изображения, гемма скорее всего изготовлена во II в. до н.э. Более точная ее датировка за-

⁷⁸ *Ibid.* Pl. 93, 14.

⁷⁹ *Ibid.* P. 50–51.

⁸⁰ *Неверов О.Я.* Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // *Культура и искусство античного мира.* ТГЭ. Вып. XVII. Л., 1976. С. 169, 172. Табл. II, 9–10; III, 1–2. Данные О.Я. Неверова по птолемеевским перстням были уточнены М.Ю. Трейстером (*Трейстер М.Ю.* Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгииппии и окрестностей // ВДИ. 1982. № 3. С. 69; *он же.* Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1. С. 126–139). Перстень с изображением Арсиной недавно найден также на Тамани в Тенгинском некрополе (*Беглова Е.А.* Ритуальный комплекс Тенгинского могильника // *Таманская старина.* 2000. Вып. 3. С. 80).

⁸¹ *Неверов.* Портретные геммы... С. 173.

⁸² *Koray K., Melih A.* Ancient Gems and Finger Rings from Asia Minor. The Yüksel Erimtan Collection. Ankara, 2000. P. 6.

⁸³ *Plantzos.* Op. cit. № 37, 38.

⁸⁴ *Ibid.* P. 35.

⁸⁵ *Ibid.* P. 75, 78.

труднительна. Гемма хотя и потерта, но не имеет царапин, появляющихся при длительном ношении, поэтому она вряд ли попала в могилу через значительный промежуток времени после изготовления.

Перстень с золотой вставкой, украшенной рельефным изображением женской головы (рис. 9, 7), относится по форме к типу III перстней эллинистического времени и датируется широко II–I вв. до н.э.⁸⁶ В первом издании персонаж на перстне предположительно назван Афиной⁸⁷, что вряд ли возможно, исходя из таких атрибутов, как венец, серьги и гривна. Изображение либо портретное, либо соотносится с другими греческими богинями (возможно, Деметра или Афродита).

Колье (рис. 5, 2–4). Украшение, по недоразумению названное А.В. Симоненко ди-адемой⁸⁸, М.Ю. Трейстер справедливо определил как ожерелье⁸⁹, что следует и из обстоятельств его находки в погребении. Ногайчинский экземпляр относится к известному типу эллинистических колье, для которых характерна простота цепочки (крупные петли из тонкой проволоки, сцепление звеньев «петля в петлю») и, при этом, тщательное исполнение замков⁹⁰. Наиболее точные аналогии происходят из комплекса Tomba degli Ori di Canosa конца III – начала II в. до н.э. и некрополей Таранта того же времени⁹¹. Они также состоят из трех подпаянных друг к другу цепочек с подвесками в виде столбиков из зерни. Замок ожерелья украшен орнаментом в виде волют и завитков из напаянной рубчатой проволоки. Аналогичные ожерелья⁹² датируются III–II вв. до н.э. и в более поздних комплексах не встречаются.

Брошь-заколка (рис. 6, 3). А.В. Симоненко отнес ее ко времени позднего эллинизма⁹³. По краю броши пробиты дырочки, цепочки сняты, что может свидетельствовать о переделке броши в варварской среде, и на это обратил внимание М.Ю. Трейстер⁹⁴. Отверстия, пробитые крестообразно, парами по краю, служили, вероятно, для пришивания броши к какой-то несохранившейся подкладке из органического материала, не меняя функционального назначения ее как заколки. Это отчасти могло бы объяснить и снятие цепочек с подвесками. Такие изменения во внешнем виде броши скорее всего были сделаны в местной варварской среде в соответствии со вкусами владельца, возможно, с целью подчеркнуть солярный характер орнамента.

Предположение М.Ю. Трейстера о более позднем добавлении центральной части броши⁹⁵ при внимательном рассмотрении не подтвердилось. Лепестки цветка достаточно высоко подняты и не скрывают орнамента, расположенного под ними, в конструкции лепестков и «бегущей волны» использована одна и та же рубчатая проволока (рис. 6, 4). Стекланная вставка в высокой оправе овальной формы, помещенная в центр композиции, является органичным элементом украшений такого рода и часто встречается на брошах эллинистического времени из погребений Прикубанья⁹⁶. Тип украшения – брошь с иглой на обороте и подвесками в нижней части – характерен именно для Прикубанья времени позднего эллинизма⁹⁷. Что касается особеннос-

⁸⁶ Невзоров О.Я. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья // Античная торговля. Л., 1986. С. 24; *Plantzos*. Op. cit. P. 37.

⁸⁷ Симоненко. Сарматы Таврии. С. 73.

⁸⁸ Там же. С. 70.

⁸⁹ *Treister*. Concerning the Jewellery... P. 142–146; *Трейстер*. О ювелирных изделиях... С. 194–196.

⁹⁰ *Rudolf*. Op. cit. P. 110.

⁹¹ *Gli Ori di Taranto*... P. 219–220, 452–453. № 4.

⁹² *Hoffmann H., Davidson P.F.* Greek Gold. Jewellery from the Time of Alexander. Mainz, 1965. № 274. Fig. 266; *Ruxer M.S., Kubczak J.* Naszyjnik Grecki w Okresach Hellenistycznym i Rzymskim. Warszawa – Poznan, 1972. Tab. XVI, 2.

⁹³ Симоненко. Сарматы Таврии. С. 89–90.

⁹⁴ *Treister*. Concerning the Jewellery... P. 148; *Трейстер*. О ювелирных изделиях... С. 197.

⁹⁵ *Treister*. Concerning the Jewellery... P. 148–149; *Трейстер*. О ювелирных изделиях... С. 197–198.

⁹⁶ Шедевры... Кат. 173, 144, 154.

⁹⁷ Там же. Кат. 140; *Raev B.A., Simonenko A.V., Treister M.Yu.* Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe // *Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums*. Jg. 38. Mainz, 1991. S. 480–482. Fig. 17, 7; *Ксенофонтowa И.В.* Античные импорты Тенгинского могильника и Ульских курганов // Таманская старина. 2000. Вып. 3. С. 84.

тей изготовления ногайчинской заколки, то в Прикубанье и в Северном Причерноморье возможно отметить целую серию изделий⁹⁸, на которых встречаются особые мелкие технико-стилистические приемы: сочетание скрученной и рубчатой проволоки, обведенные рубчатой проволокой овы, S-видные завитки с точкой крупной зерни в завитках, мелкие колпачки с зернью. Эти вещи, видимо, были сделаны в одном центре и составляют компактную группу, которую можно датировать II–I вв. до н.э.

Подвеска с халцедоном (рис. 15, 2). Ее особенностью является открытая с обеих сторон вставка в форме скарабеоида, а также выпуклые зубчики обрамления, края которых дублированы тонкой рубчатой проволокой. Такие же особенности оформления вставки можно отметить у перстня из гробницы № 2 в Артюховском кургане⁹⁹. Перстень такого же типа, но с менее богатой орнаментацией происходит из погребения первой половины II в. до н.э. у Карантинного шоссе близ Керчи¹⁰⁰. Такая же подвеска, но со вставкой из стекла, обнаружена в Прикубанье, в могильнике у хутора им. Ленина (раскопки И.И. Марченко 1983 г.). Здесь точно такой же ободок из плетеной проволоки, зубчики, обведенные рубчатой проволокой¹⁰¹.

Флаконы-подвески изготовленны в виде миниатюрных сосудиков (рис. 9, 6). Это популярный элемент греческих ожерелий с VI в. до н.э.¹⁰² Близкие ногайчинской подвеске сосудики: маленький кувшинчик с розеткой на дне (подвеска на ожерелье) из Пелинны (Фессалия), найденный в комплексе II в. до н.э.¹⁰³, и миниатюрный амфориск со вставками и орнаментом из напаянной рубчатой проволоки, который происходит из погребения около Генуи и датируется по монете концом II в. до н.э.¹⁰⁴

Флакон-подвеска с цилиндрической крышкой и боковыми петельками (рис. 9, 4–5) относится к типу подвесных флаконов, известных в основном по находкам в погребениях первых веков нашей эры¹⁰⁵. К.М. Скалон по форме и орнаменту выделяет пять групп сосудиков – с I по VII в. н.э. При этом она отмечает тенденцию удлинения со временем пропорций таких флаконов¹⁰⁶. К наиболее ранним формам она относит сосудик в зверином стиле из кургана Хохлач. Ногайчинский сосуд в этой серии выглядит еще более ранним из-за своей необычно приземистой формы. Детали его оформления свойственны эллинистической эпохе. Особенно яркой характеристикой стиля выступают сердечки из напаянной под прямым углом тонкой золотой пластины, заполненные пастой попеременно синего, зеленого и голубого цветов. Совершенно идентичный прием зафиксирован на изделиях времени позднего эллинизма¹⁰⁷.

Пиксида (рис. 9, 1–3). По форме аналогична гагатовой пиксиде из того же комплекса. Сосуды близкой конструкции, но другого оформления, есть в погребениях кургана Хохлач и Соколовой могилы¹⁰⁸. Такие стилистические признаки пиксиды, как небольшие выпуклости с прочерченными розетками, крупный валик с косой насечкой, зигзагообразный орнамент с точками, заполнение фона изделия рядами точечных наколов сближают стиль этого изделия с фаларами «причерноморского гра-

⁹⁸ См., например: *Марченко*. Ук. соч. Рис. 106, 13; 112, 2; 113, 11; *Максимова*. Ук. соч. Арт. 1; *Михлин*. Сарматское погребение... Рис. 2.

⁹⁹ *Максимова*. Ук. соч. Арт. 52.

¹⁰⁰ *Ашик А.Б.* Боспорское царство. Одесса, 1848. Рис. 199.

¹⁰¹ *Анфимов Н.В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 171.

¹⁰² *Kottaridou A.* Vergina: The Late Archaic and Early Classical Cemetery of Aegae // *Macedonians. The Northern Greeks and the Era of Alexander the Great.* Athens, 1994. P. 155.

¹⁰³ *Treasures of Ancient Macedonia.* Thessalonike, 1981. Pl. 3, 10.

¹⁰⁴ *Lo Porto F.G.* L'attività archeologica in Puglia // *Atti dei Convegni di Studio sulla Magna Grecia.* Taranto, 1975. P. 642. Tav. LIII, 2.

¹⁰⁵ *Скалон К.М.* О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // *АСГЭ.* 1959. Вып. 1. С. 127–140.

¹⁰⁶ Там же. С. 138.

¹⁰⁷ *Despoine A.* *Archaia chrysa kosmemata.* Athens, 1996. Abb. 166, 1.

¹⁰⁸ *L'or des Sarmates. Entre Asie et Europe. Nomades des steppes dans l'Antiquité.* Abbaye de Daoulas, 1995. P. 53, 57. Cat. 80; *Ковпаненко*. Ук. соч. С. 82. Рис. 86–87.

фического стиля» II–I вв. до н.э.¹⁰⁹ Такую дату для пиксиды подтверждает эллинистическая розетка, прочерченная на ее дне¹¹⁰.

Как видно из обзора, весь набор ювелирных изделий Ногайчинского кургана относится к позднеэллинистическому периоду, преимущественно ко II в. до н.э.

Бусы из ногайчинского погребения имеют в основном широкие хронологические рамки бытования, но среди них есть некоторые типы, которые можно с определенной степенью уверенности назвать датирующими. Это четыре полихромные бусины с продольно-волнистым орнаментом (рис. 8, 10–11, 26–27) которые датируются преимущественно III–I вв. до н.э.¹¹¹ Крупные округло-ребристые бусины из различных материалов (рис. 8, 6–7, 28–29) – довольно частая находка в погребениях II–I вв. до н.э. мавзолея Неаполя Скифского¹¹². Такая же бусина найдена в культурном слое Южного дворца Неаполя Скифского последней трети II в. до н.э.¹¹³ По нашим наблюдениям, пик популярности таких бус в Крыму приходится на I в. до н.э.

Находка в Ногайчинском погребении предметов в зверином стиле – гривны (рис. 7) и амулета-подвески (рис. 15, 6) с зооморфными окончаниями сыграла не последнюю роль в датировке самого погребения второй половиной I – началом II в. н.э. Именно так, по сложившейся в последнее время традиции, датируются вещи сарматского звериного стиля.

Первые документированные находки предметов этого стиля обычно датировались I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э., т.е. в рамках среднесарматской археологической культуры¹¹⁴. Хронологический разрыв между скифским и сарматским звериным стилем был выявлен И.П. Засецкой¹¹⁵. Одновременно ею сделан вывод об отсутствии подобных предметов в раннесарматской культуре¹¹⁶.

Причиной повышения даты первых сарматских изделий в зверином стиле стала тенденция омоложения всех среднесарматских комплексов, так или иначе связанная с гипотезой о принадлежности этой культуры историческим аланам¹¹⁷. Проведенная Б.А. Раевым корреляция богатых сарматских погребений первых веков и его вывод об их относительно одновременном появлении в последней четверти I – начале II в. н.э.¹¹⁸ сильно повлияли на последующие интерпретации неординарных сарматских комплексов, в том числе на датировку изделий звериного стиля. Интересное наблюдение Б.А. Раева приняло вид аксиомы, в результате чего любое богатое погребение, особенно с украшениями в зверином стиле, стремятся «подтянуть» к указанной им дате. Однако в действительности картина выглядит сложнее и разнообразнее.

Предметы в зверином стиле известны в Прикубанье в комплексах зубовско-воздвиженской группы: в кургане Остром эпохи позднего эллинизма (II–I вв. до н.э.), в кургане № 1 у хут. Зубовский третьей четверти – второй половины I в. до н.э.¹¹⁹ В

¹⁰⁹ Mordvinceva V.I. Sarmatische phaleren. Archäologie in Eurasien. Bd 11. B., 2001. S. 37. Kat. 19, 43–44, 47–49, 64, 67–69, 72.

¹¹⁰ Для сравнения см. Максимова. Ук. соч. Арт. 13.

¹¹¹ Алексеева. Ук. соч. С. 50.

¹¹² Погребова. Ук. соч. С. 169–171.

¹¹³ Зайцев. Южный дворец... Рис. 1.

¹¹⁴ Шилов В.П. Погребение сарматской знати I в. до н.э. – I в. н.э. // СГЭ. 1956. Вып. 9. С. 42.

¹¹⁵ Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля // СА. 1989. № 3. С. 35–47.

¹¹⁶ Там же. С. 45.

¹¹⁷ Раев Б.А. Пазырык и Хохлач – некоторые параллели // Скифо-сибирский мир. Тез. докл. конф. Кемерово. С. 133–135.

¹¹⁸ Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR International Series 278. Oxf., 1986. Diagram.

¹¹⁹ Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 70. М., 1989. С. 78, 87. Табл. I. 1–2; XI. 119; Шукин М.Б. Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы докл. Междунар. конф. Ч. I. Новочеркасск, 1992. С. 104–108.

поволжских степях, помимо среднесарматских комплексов I в. до н.э. – I в. н.э. у сел Верхне-Погромного, Царева и Саломатино, в последнее время стали известны погребения раннесарматской культуры II в. до н.э., в которых найдены изделия в зверином стиле¹²⁰. Использование цветных вставок в декоре изделий с зооморфными изображениями также не может указывать на их хронологическую принадлежность. Такой прием известен с ахеменидского времени и зафиксирован на многих предметах Амударьинского клада и Сибирской коллекции¹²¹.

Таким образом, оснований датировать гривну и амулет-бусину из Ногайчинского кургана первыми веками нашей эры только потому, что на них имеются зооморфные изображения, украшенные цветными вставками, нет.

Гривна (рис. 7; табл. I, 1–2) из Ногайчинского кургана по своему оформлению уникальна. Такой прием, как резьба по золоту, известен в ювелирной практике, хотя и относится к числу редких. Прототипами ногайчинской гривны были, видимо, резные изделия из дерева. Это подтверждают четкость контуров деталей, многократное употребление граненых поверхностей. В этом смысле интересно сравнить ее с деревянными изделиями Алтая скифского времени¹²². Подграненность, особенно волнистых линий, характерна также для многих золотых изделий Сибирской коллекции, прежде всего поясных пластин¹²³, что ставит ногайчинскую гривну с ними в один ряд. Сходство ее с изделиями Сибирской коллекции дополняется также тем, что хвосты объемных фигурок на концах сибирских гривен часто выполнены в виде «косички» с головками грифонов на конце.

Среди особенностей ногайчинской гривны стоит отметить также, что в гнездах в качестве вставок были использованы бусины (табл. I, 1). Это указывает на то, что гривна, в отличие от многих других изделий «золото-бирюзового звериного стиля» сарматского времени, сделана кустарным способом и ее изготовление нельзя связывать с каким-то определенным производственным центром. В определении ее хронологии среди других украшений из варварских погребений Восточной Европы помогают конструктивные и стилистические особенности.

По конструкции гривна относится к типу проволочных многовитковых. Многовитковые гривны и браслеты, скрученные из цельного прута, в Крыму более всего характерны для эллинистического периода, а на Нижнем Дону, в Прикубанье и Поволжье встречаются в погребениях II в. до н.э. – I в. н.э.¹²⁴ Гривны и браслеты аналогичной конструкции имеются в Сибирской коллекции и в Амударьинском кладе¹²⁵ и датируются к IV до II–I вв. до н.э.¹²⁶

Скульптурность фигур ногайчинской гривны также является ранним признаком¹²⁷. Все гривны и браслеты «золото-бирюзового звериного стиля» первых веков нашей эры с изображениями животных имеют плоскую оборотную сторону. А ведь сюжет гривны – три животных на каждом из ее окончаний. Объемные фигурки трех грифонов, вырезанные из дерева, украшают медную проволочную гривну из Второго Пазырыкского кургана¹²⁸. Такой же сюжет имеется на гривнах и браслетах из

¹²⁰ *Мордвинцева В.И., Шинкарь О.А.* Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2. Волгоград, 1999. С. 138–149; *Ляхов С.В., Мордвинцева В.И.* Раннесарматское погребение у поселка Питерка Саратовской области // РА. 2000. № 3. С. 102–110.

¹²¹ См., например: *Dalton O.M.* The Treasure of the Oxus with the Other Examples of Early Orient Metal-work. 3rd ed. L., 1964. № 23, 116, 120, 135, 136 etc.; *Руденко С.И.* Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. Д 3–9. М.–Л., 1962. Табл. I, 1; II, 4; III, 4; IV, 3, 5; V, 5; VIII, 1, 2, 7, 8; IX, 6–8; X, 3–4; XV; XVI; XVII; XIX, 1–2; XXIII, 23, 24, 28–31, 34–37.

¹²² *Артамонов М.И.* Сокровища саков. М., 1973. Ил. 59–60, 70, 100.

¹²³ Там же. Ил. 175, 176.

¹²⁴ *Шилов.* Ук. соч. С. 44; *Берхин И.П.* Сарматское погребение у с. Саломатина // СГЭ. 1959. Вып. XV. С. 39; *Сергацков И.В.* Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. С. 141.

¹²⁵ *Артамонов.* Ук. соч. Ил. 8, 233, 235–238.

¹²⁶ Там же. С. 184–187.

¹²⁷ *Абрамова М.П.* О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV–II вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 122.

¹²⁸ *Артамонов.* Ук. соч. Ил. 73.

Центрального Предкавказья. Это находки III–II вв. до н.э. у с. Комарово в Северной Осетии и с. Кулары в Чечено-Ингушетии¹²⁹. Однако во всех этих случаях фигурки животных ничем не отличаются между собой. Как было показано выше, на ногайчинской гривне различия между персонажами специально подчеркнуты. Сюжет, более сходный с ногайчинским в деталях, украшает накладку из центрального погребения кургана Острый в Прикубанье II–I вв. до н.э.¹³⁰ Примечательно, что на пластине два сюжета, причем последовательность животных в каждом из них сохраняется. Таким образом, несмотря на свою уникальность, гривна находит параллели преимущественно в памятниках IV–I вв. до н.э.

Амулет-бусина (рис. 15, б). Аналогичное изображение хищника по стилю, сюжету, технике изготовления и, видимо, назначению имеется в составе Сибирской коллекции¹³¹. Там же есть и другие аналогичные предметы¹³². В кургане Хохлач найдена агатовая пронизь в виде фигуры пантеры, по стилю изделия отличающаяся от ногайчинского, но назначение, видимо, одно и то же. Оснований для датировки нет.

Из коллекции посуды выделяются следующие:

Килик и чаша (рис. 11, 1–2). Основу килика составляет круглодонная чаша, дополненная высокими ручками и прочерченным орнаментом, ее тип (низкая круглодонная) характерен для времени позднего эллинизма¹³³. Орнамент из ов, разделенных гранеными листьями треугольной формы, – эллинистический, который на серебряных сосудах встречается нечасто. Точно такой же декор украшает край чаши II в. до н.э. из Музея Поля Гетти в Малибу¹³⁴, близкий орнамент проходит по венчику низкой сегментовидной чаши из Жутово, где в погребении I в. н.э. найден набор разновременной, в том числе эллинистической посуды¹³⁵. Растительный орнамент, подобный прочерченному на дне ногайчинской чаши, типичен для сосудов эллинистического времени¹³⁶. Не противоречит такой атрибуции и оформление ручек в виде цветка с четырьмя лепестками. Точно такие же цветы украшают бронзовый светильник, найденный у берегов Туниса среди остатков кораблекрушения у Махдии, которое датируется 100–80 гг. до н.э.¹³⁷ При этом сами по себе ручки килика уникальны. Чаша (рис. 11, 2) аналогична сосуду, составляющему основу килика, и сделана скорее всего в той же мастерской.

Кубок (рис. 12, 3) по форме восходит к серебряным круглодонным сосудам, украшенным чеканным орнаментом, из царских скифских курганов V–IV вв. до н.э.¹³⁸ Самый поздний из сосудов этого типа происходит из могилы «Д» Зеленского кургана начала III в. до н.э.¹³⁹

Оформление же ногайчинского кубка – венок с перевязями, плетенка, сюжет в виде двух пар животных, частичная позолота – по способу исполнения характерно для позднеэллинистических древностей¹⁴⁰. Таким образом, предположение М.И. Макси-

¹²⁹ *Абрамова*, О скифских традициях... С. 124–127. Рис. 2, 1–2.

¹³⁰ *Гущина, Засецкая*. Погребения зубовско-воздвиженской группы... С. 91. Табл. I, 1.

¹³¹ *Артамонов*. Ук. соч. Ил. 285.

¹³² Там же. Ил. 281.

¹³³ *Strong D.* Greek and Roman Gold and Silver Plate. L., 1966. P. 108; *Horedt K.* Die Dakischen Silberfunde // *Dacia*. 1973. N. S. XVII. P. 151; *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 1993. P. 223–224, 226. № 2–7, 14–16.

¹³⁴ *Pfrommer*. Metalwork... Cat. 127.

¹³⁵ *Мордвинцева В.И.* Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово // *РА*. 2000. № 1. С. 147. Рис. 3, 1.

¹³⁶ *Rotoff S.I.* Hellenistic Pottery. The Athenian Agora. V. XXIX. Princeton – New Jersey, 1997. № 121, 409, 437, 438, 478, 480 etc.; *Gli Ori di Taranto*... Cat. 10. P. 65–66.

¹³⁷ *Barr-Sharrar*. Op. cit. Abb. 5–7.

¹³⁸ *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. N.Y., 1999. № 164, 165; *Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid–7th to 3rd Century BC*. Leningrad, 1986. № 171–173, 188–192.

¹³⁹ *Шкорпил*. Ук. соч. С. 30. Рис. 15. О посуде из Зеленского кургана см. также *Treister M.* *Yu. Grecia settentrionale e il Regno del Bosforo. Produzione metallurgica come riflesso dei contatti nella seconda meta del IV secolo a. C.* // *Le arti di Efesto. Capolavori in metallo dalla Magna Grecia*. Milano, 2002. P. 63–67.

¹⁴⁰ *Максимова*. Ук. соч. Рис. 23В, 5. Арт. 61; *Mordvinceva*. *Sarmatische phaleren*... S. 9–10.

Таблица. Находки из Ногайчинского кургана: 1–2 – деталь гривны, лицевая и оборотная стороны; 3–4 –
стали браслета; 5–6 – стеклянная гемма золотого перстня, лицевая и оборотная стороны; 7 – золотая серьга

Таблица (продолжение)

мовой о том, что этот тип шаровидных скифских сосудов не сохраняется до времени Артюховского кургана¹⁴¹, видимо, не подтверждается.

Фаянсовая тарелка (рис. 14, 2) из Ногайчинского погребения уникальна. Нам не удалось найти ей сколько-нибудь близких аналогов. Предметы из египетского фаянса датируются очень широко. Белая основа в сочетании с покрытием бирюзового цвета встречается на изделиях эллинистического времени и периода ранней Империи.

Алабастровый сосуд (рис. 13, 5). Алабастровые сосудики составляют выразительную и многочисленную серию в сарматских памятниках I в. до н.э. – I в. н.э. Ногайчинский экземпляр отличается от них крупными размерами и отсутствием зооморфных выступов-ручек. Сосуды различных форм из алебастра известны в античных памятниках Северного Причерноморья с эпохи архаики до эллинистического времени.

Анализ находок из Ногайчинского кургана позволяет с уверенностью исключить его датировку временем после рубежа эр. Хронологические позиции всего набора в целом укладываются в границы III–I вв. до н.э. При этом для уточнения датировки комплекса особенно существенны следующие моменты.

1. Большинство ювелирных изделий ногайчинского погребения не могут быть датированы позже II в. до н.э.

2. Некоторые вещи из погребения (стеклянная чаша и особенности оформления ручек серебряного килика) находят точные аналогии среди находок из двух самых известных кораблекрушений Средиземноморья начала I в. до н.э. (Антикифера и Махдия).

3. Набор предметов конской узды также не может быть датирован позже начала I в. до н.э.

4. Шаровидный кубок, по форме восходящий к скифским классическим образцам, украшен характерным для эллинистического времени орнаментом. Сочетание этих признаков позволяет ограничить его датировку временем не позднее начала I в. до н.э.

Таким образом, наиболее вероятное время совершения захоронения в Ногайчинском кургане – начало – первая половина I в. до н.э.

Предложенная датировка неизбежно ставит вопрос о культурной принадлежности данного памятника, поскольку это первое погребение представительницы высшей знати, которое можно связать с таким особым явлением в культуре Северного Причерноморья, как ритуальные «клады». Они представляют собой захоронения определенных предметов в насыпях курганов и естественных возвышенностях и датируются III–I вв. до н.э.¹⁴² Состав кладов весьма специфичен (шлемы, наконечники копий, удила с псалиями, налобники с крючком, фалары, бронзовая и серебряная посуда), а территория их распространения очень широка – от Южного Буга и Днестра до Прикубанья. Богатство инвентаря этих памятников значительно превышает все известные находки погребений того же периода. Только в последние годы появились погребальные комплексы, которые по набору инвентаря сопоставимы с «кладами»¹⁴³.

¹⁴¹ Максимова. Ук. соч. С. 73.

¹⁴² Симоненко. О позднескифских налобниках... С. 242; Дзис-Райко, Суничук. Ук. соч. С. 158–160; Полин С.В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 65; Шукун М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994. С. 97–98; Зайцев Ю.П. Скилур и его царство... С. 144; Mordvintseva V.I. A Typology of the Sarmatian Phalerae III Century BC – II Century AD // Acta Archaeologica. København, 1999. V. 70. P. 146–147. Fig. 8; Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глинное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднепровья. Материалы полевого семинара. Тирасполь, 2000. С. 15–16; Симоненко. Погребение у с. Чистенькое... С. 94–95.

¹⁴³ Яровой, Четвериков. Ук. соч.; Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Погребение воина эллинистического времени у с. Чистенькое в предгорном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья. Труды ГИМ (в печати).

Часть этих кладов, по мнению некоторых исследователей, оставлена особой группой населения Нижнего Днестра последней трети III – первой четверти II в. до н.э.¹⁴⁴ Есть и другое мнение, по которому вся группа «кладов» сформирована в течение узкого промежутка времени и является свидетельством краткого пребывания в Северном Причерноморье сарматов и меотов в составе войск Митридата Евпатора¹⁴⁵. В этом случае ритуальные клады представляют собой явление не местной, а пришлое культуры. Однако количество подобных комплексов, широкий диапазон их датировок и географическое распределение противоречат этой точке зрения. Ногайчинское погребение также заставляет серьезно сомневаться в правильности такого предположения.

Современное состояние источников позволяет предположить, что эти комплексы – специфическое проявление местной культуры позднеэллинистического времени. На наш взгляд, было бы преждевременным непременно искать этническое соответствие данному явлению. Скорее всего они оставлены особой социальной группой, относящейся к верхушке общества. Масштабность и размах погребальной церемонии (значительные земляные работы, использование большого количества бревен, сжигание нефти), ее богатство и пышность (подсыпка днища гроба комками ладана; шелковое платье; обилие высокохудожественных драгоценных украшений и сосудов) свидетельствуют о том, что умершая принадлежала к социальной элите.

Ногайчинский комплекс определяют следующие культурные признаки.

1. В погребении много элементов, характерных для античной культуры: расписной саркофаг на ножках; помещение всего погребального инвентаря внутри гроба; отсутствие жертвенной мясной пищи; использование унгентария в обряде; подавляющее преобладание античных украшений, в том числе с изображением персонажей греческого пантеона (браслеты, перстни). Эти признаки свидетельствуют о значительном влиянии античной культуры на верхушку местной знати, воспринявшей многие элементы греческого образа жизни как социально престижные.

2. В погребальном обряде комплекса встречены также признаки, характерные вообще для варваров Северного Причерноморья и, в частности Прикубанья: жертвоприношение коней; комплекты конской узды как элемент жертвоприношения; кубок «скифской» формы; кувшин северокавказского облика; заколка-брошь; помещение «зеркала» в могилу; наличие спиральных гривны и ножных браслетов; бусы на щиколотках; обилие амулетов; использование нашивных бляшек.

3. В ногайчинском погребении отмечены также элементы «восточного» или «сибирского» облика: гривна и амулет-пронизь в зверином стиле.

4. Интересной деталью обряда является также такой частный признак, как манипуляции с кистями погребенной (помещение их в серебряные сосуды)¹⁴⁶.

По такому сочетанию признаков ногайчинское погребение сопоставимо с богатыми погребениями Северного Причерноморья (Соколова могила, курган у хут. Песчаный, курган Большой и некоторые другие погребения зубовско-воздвиженской группы в Прикубанье¹⁴⁷), которые также впущены в насыпи больших курганов, сочетают в разной степени античные и варварские признаки погребального обряда, там впервые после долгого перерыва появляются предметы, выполненные в зверином стиле, имеющие отчетливый «восточный» облик. Эти комплексы датируются в диапазоне I в. до н.э. – I в. н.э., их этнокультурная принадлежность в настоящее время

¹⁴⁴ Яровой, Четвериков. Ук. соч. С. 15–16.

¹⁴⁵ Симоненко. Погребение у с. Чистенькое... С. 96.

¹⁴⁶ В погребении 10 кургана у хут. Песчаный правая кисть погребенной была помещена в серебряную чашу, а левая кисть – отсутствовала (Ждановский. Ук. соч. С. 107. Рис. 32). В погребении Соколовой могилы кисти обеих рук погребенной отсутствовали вовсе (Ковпаненко. Ук. соч. С. 12). Б.А. Раев и С.А. Яценко сочли этот признак «раннеаланским» элементом (Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе (тезисы) // Скифия и Боспор. Материалы конференции. Новочеркасск, 1993. С. 119–120).

¹⁴⁷ Гущина, Засецкая. Погребения зубовско-воздвиженской группы... С. 123–127.

мя определяется по-разному¹⁴⁸. Однако этническая атрибуция этих погребений в данном случае представляется нам не столь существенной. Гораздо важнее, что подобно «кладам», это было культурное явление, общее для всего Северного Причерноморья. Оно находится вне этнических построений и отражает, видимо, какие-то социально-культурные процессы в этом регионе, включая и Прикубанье.

THE «NOGAICHINSKY» BARROW IN THE STEPPE-LAND CRIMEA

Yu. P. Zaitsev, V. I. Mordvintseva

The authors give the first complete publication of the well-known burial complex of the «Nogaichinsky» Kurgan excavated by the North Crimean Expedition (directed by A.A. Shchepinsky) of the Institute of Archaeology of the Ukrainian Academy of Sciences. The burial was made in the mound of a Bronze Age barrow, in a sarcophagus of classical form with a rich set of golden jewels, silver ware, amulets and other objects. A group of horses' heads also interred in the mound was connected with the main burial. After the burial ceremony and a funeral feast, the kurgan was affected by fire. A characteristic set of burial objects makes it possible to date the complex back to the beginning or to the 1st half of the 1st c. BC. In cultural respect, this burial place should be connected with the ritual hoards common in the Northern Black Sea Coast and the Kuban region in late Hellenistic period. On the other hand, some details allow the contributors to compare it with the monuments of the «Zubovsko-Vozdvizhenskaya» group of barrows in the Kuban region.

¹⁴⁸ Историографию вопроса см. Гущина, Засецкая. Погребения зубовско-воздвиженской группы... С. 71–72; Раев, Яценко. Ук. соч. С. 111; Шукин. Ук. соч. С. 103–104; Берлизов Н.Е. «Зубовско-воздвиженская группа» и ее место в системе кубанских древностей сарматского времени // Древности Кубани. Вып. 15. Краснодар, 1999. С. 16–17.